

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ФИЛИПП БОБКОВ

КГБ И ВЛАСТЬ

ПЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

Подарочное издание. Иллюстрированная
хроника тайной войны

Эдуард Макаревич

**КГБ и власть. Пятое управление:
политическая контрразведка**

«Алисторус»

2019

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

Макаревич Э. Ф.

КГБ и власть. Пятое управление: политическая контрразведка /
Э. Ф. Макаревич — «Алисторус», 2019 — (Подарочное издание.
Иллюстрированная хроника тайной войны)

ISBN 978-5-907211-74-2

Четверть века назад бывший начальник Пятого управления (борьба с идеологическими диверсиями противника и защита конституционного строя) КГБ СССР Филипп Бобков опубликовал книгу «КГБ и власть», где подробно и откровенно описал сложность взаимоотношений между КГБ и ЦК КПСС, в т. ч. и политического сыска. Читатель впервые познакомился с особенностями партийного руководства органами госбезопасности в «андроповский период». В данное издание так же включена книга Эдуарда Макаревича «Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории». Деятельность Бобкова предстает в контексте политических событий своего времени, тайных операций ЦРУ и идей западных интеллектуалов. Новое коллекционное издание «КГБ и власть» иллюстрировано фотографиями из личных архивов авторов, большинство публикуется впервые. Они позволяют по-новому взглянуть на то, о чем рассказали авторы. В формате a4-pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-907211-74-2

© Макаревич Э. Ф., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Кто есть генерал КГБ Филипп Бобков	8
Филипп Бобков	10
От автора	10
Начало жизненного пути	12
Школа СМЕРШ	18
«Холодная война»	22
Диверсионная школа	29
Провокация на ЭКСПО в Брюсселе	37
Игра в пустые ворота	49
Как вербуют и внедряют агентов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Филипп Денисович Бобков
КГБ и власть. Пятое управление:
политическая контрразведка

© Бобков Ф. Д., наследники, 2019

© Макаревич Э. Ф., составление, биография, 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

* * *

Портрет Филиппа Денисовича Бобкова художника С. Присекина

Кто есть генерал КГБ Филипп Бобков

Вот он парадокс истории: я, сын расстрелянного отца в звании «врага народа» и мамы, медика-ученого, после Карлага сосланной в казахстанскую глубинку, где я прожил свои десять школьных лет, – пишу предисловие к изданию об одном из руководителей Комитета государственной безопасности СССР.

И я готов переговорить с читателем, предваряя его знакомство с этим необычным изданием. Оно интересно, ибо оно начинается с истории о девятикласснике, подавшемся добровольно на войну с фашисткой Германией, и замечу, вместе с отцом. Мужественно и смело воюя, он стал кавалером самой из самых «окопных» медалей Великой Отечественной войны – «За отвагу». Боевые ранения его – отметины на всю жизнь, тоже своего рода награды.

Читать о жизни Филиппа Денисовича Бобкова увлекательно. Как явствует из книги самого Бобкова «КГБ и власть» и следом идущей книги «Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории», что составляют это издание, – он создал себе биографию особого кроя: от рядового, потом гвардии старшины в пехоте, – до генерала армии в должности первого заместителя председателя КГБ.

КГБ... Разве не хочется из первых уст познать какой была на самом деле наша политическая контрразведка с 60-х годов пролетевшего века, когда герой этой книги выступает в роли одного из создателей 5-го управления КГБ СССР, затем становится начальником и впоследствии куратором-шефом политической контрразведки уже на посту первого заместителя председателя Комитета? В книге представлены свидетельства того:

как шла борьба с инакомыслящими (именуемыми «диссидентами»), одни из которых осознанно подрывали устои официальной идеологии – другие, в своем романтическом порыве мечтали избавить страну от реально отжившего;

как порой драматически остро развивались межнациональные отношения в стране;

как на самом деле – в доктринах и в повседневных делах – осуществлялось Западом антисоветское наступление.

И наконец, едва ли не самая интересная тема, – как непросто, даже нередко с серьезнейшими осложнениями, складывались отношения верхушки правящей партии с подчиненным ей КГБ. Ф.Д. Бобков, как теперь можно узнать, профессионально, а отсюда и глубоко понимал, к чему могут привести поражения-ошибки на фронтах идеологической войны, что порождались крайне заскорузлым, ортодоксальным крылом в Политбюро ЦК КПСС.

Представленные факты вызывают раздумья, приоткрывают немало таинств предельно засекреченной чекистской службы.

Я не числился в приближенных к Ф. Д. Бобкову. Но моя работа в качестве руководителя одного за другим двух лучших в СССР издательств вполне естественно обязывала контактировать с ним. Это когда надо было создавать книги о тех, кого продолжали напрочь замалчивать: деятелей дореволюционной России или жертв культа личности в довоенные времена. Попутно замечу: Бобков славился среди книголюбов коллекционированием книг серии «Жизнь замечательных людей».

Что же отложилось в памяти от этих контактов?

Его неколебимая уверенность в необходимости спасти социалистическое отечество от опасностей перерождения партийной власти и изощренно-действенного как отечественного, так и западного антисоветизма. Его неумолимое стремление быть справедливым в делах своей службы.

Несколько примеров. Один из работников ЦК КПСС доверил мне весьма впечатляющую историю. Шло заседание Политбюро ЦК партии под председательством главного идеологического ортодокса М. А. Суслова. Тема: как пресечь антисоветизм Солженицына. Все под воз-

действием председательствующего дисциплинированно перебирали лишь два варианта: арест или высылка за границу. И был вопрос к генералу КГБ Бобкову, на который он очень определенно ответил: обе «меры» вызовут крайне негативный отклик и в стране и за рубежом. Увы, «кремлевские мудрецы» не прониклись его мнением. И более всего настаивали на аресте.

Или вот другая история. В поле зрения КГБ оказался мой давний знакомый главный редактор журнала «Человек и закон» Сергей Семанов. Глава КГБ затребовал ареста, ибо был обеспокоен его сверхактивной настырностью в защите устоев патриотизма. А что Бобков, его заместитель? Рискнул воспротивиться! И свел «Дело» к «профилактическим» беседам; спасая журналиста, историка и его семью.

И ещё. Я знал, что ЦК ВЛКСМ пригласил поэта Евгения Евтушенко войти в нашу делегацию для участия во Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Местом работы поэта тогда стал Клуб советской делегации с притягательным для иностранцев космическим именем «Спутник», который каждый день принимал молодежь из разных стран. И однажды Евтушенко увидел неистовый шабаш юных неофашистов, бесновавшихся перед советским Клубом. Было видно, что они настроены повторить его. Тогда глава комсомола и Филипп Денисович Бобков, который обеспечивал безопасность нашей делегации и сопротивление антисоветским выходкам, обсудили эту проблему с Евтушенко. И утром на корабле, где жила советская делегация, по корабельному радио раздался голос поэта. Он с искренней страстью читал своё ночью рожденное стихотворение «Сопливый фашизм» со строками «*Но – фестиваль!*» —// *взвизвался вой ипанья, // «Но – коммунизм!»* —// *был дикий рёв неистов.* А концовка-то какова: «*И если б коммунистом не был я, // то в эту ночь // я стал бы коммунистом!*» И он был искренен в таком порыве.

Я отказываюсь от приема перерассказывать содержание книги. Она и без этого убедительно и поучительно поведает о непростой жизни и работе Ф. Д. Бобкова.

Однако, что в итоге?

КГБ... Как быть объективным в его оценках? Я отвергаю, как историк по образованию и писатель-документалист по профессии, усилия рьяных конъюнктурщиков в расчете на доверчивую публику со своим коварным для науки истории огульным ее редактированием. Одни очерняют все и вся. Другие эту историю засиропливают по ободок. Книга Бобкова и о Бобкове дает возможность избежать коварства однолинейного мышления. И в этом ее большая ценность.

Валентин Осипов,

член Высшего творческого совета Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России.

Филипп Бобков

«КГБ и власть»

От автора

Россия снова на переломе.

И, как нередко бывает при смене исторических эпох, когда ниспровергаются прежние, казалось, незыблемые идеалы и торжествует пафос огульного отрицания недавнего прошлого, стране угрожает опасность возникновения духовного вакуума, духовной смуты, этой мрачной предвестницы государственного распада и всеобщих бедствий. Но, к счастью, российское общество уже начинает постепенно преодолевать эту пагубную болезнь явно политического происхождения. Появилась возможность и более взвешенного, объективного освещения исторических событий минувших лет. Речь теперь все чаще идет не об охаивании или восхвалении, но о попытках глубокого осмысления советской истории во всей ее великой и трагической противоречивости.

Едва ли не самым болезненным и острым вопросом, вызывающим горячие споры о советском периоде, является деятельность органов государственной безопасности. Постоянное напоминание о жестоких репрессиях против собственного народа в годы культа личности Сталина – это, в отличие от послереволюционных мемуаров политкаторжан, не просто свидетельства, оставляемые в назидание потомкам, но прежде всего как бы самозащита общества от повторения чего-либо подобного в близком и отдаленном будущем. Я убежден, что ожоговая память о той народной трагедии не должна ослабевать и не правы те, кто призывает больше не ворошить драматическое прошлое.

Но наряду с регистрацией фактов о зловещих, мрачных страницах истории ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ сегодня встает и другая, еще более важная задача: понять, осмыслить сам механизм развязывания репрессий. Сводить дело к «монстру ВЧК-КГБ» – непростительное и, на мой взгляд, отнюдь не безобидное заблуждение, чреватое непредсказуемыми рецидивами нарушений законности. Ибо сама система государственной безопасности была лишь инструментом, исполнявшим политическую волю ЦК КПСС, который фактически руководил страной. Да, этот инструмент обладал важными полномочиями. Однако он не был ни «всевластным», ни «всесильным» – в том смысле, что на разных этапах истории СССР полностью подчинялся либо Сталину, либо высшему партийному руководству в целом. Не случайно КГБ и его предшественников издавна именовали «вооруженным отрядом партии».

Мне довелось на практике познать всю сложность отношений, существовавших между КГБ и ЦК КПСС, и в этой книге я попытался, возможно, впервые предать гласности некоторые особенности партийного руководства органами госбезопасности в так называемый «андроповский период». Разумеется, я не претендую на исчерпывающее изложение темы, но приведенные в книге факты бесспорно и полностью соответствуют истине. Надеюсь, что они позволят иначе взглянуть на деятельность множества настоящих профессионалов, честно и самоотверженно трудившихся в системе госбезопасности на благо Родины.

Время показало, что разрушение этой системы, превращение ее в «козла отпущения» за грехи высшего партийного руководства, устранение из нее профессионалов привело к катастрофическим последствиям для стратегической безопасности России. И сегодня мы наблюдаем первые признаки того, как требования самой жизни заставляют восстанавливать профессиональный и действенный институт государственной безопасности. Но превратится ли он в систему, стоящую на страже коренных интересов Отечества, или же станет репрессивным орга-

ном – это будет зависеть от целевых установок высшего руководства страны и возможностей контроля со стороны общества. В этой связи я и ставил своей целью извлечь из прошлого КГБ те уроки, которые важны для сегодняшнего дня. Отсюда и само название книги – «КГБ и власть».

Я немало размышлял о том, стоит ли браться за эту книгу. Волновал вопрос: а пришло ли время? Ведь многие события, о подоплеке которых пойдет речь, еще слишком живы в памяти людей, а их участники здравствуют и порой даже процветают. Между тем я неукоснительно придерживаюсь гиппократовского принципа «Не навреди!» – профессиональная этика не позволяет мне разглашать сведения, которые, уже не являясь секретными, могут в то же время нанести кому-либо моральный ущерб. В этом мне виделась особая сложность работы над книгой. Но соображения государственной пользы и общественного блага, острое ощущение необходимости именно сегодня начать разговор об истинной роли КГБ – повторяю, для извлечения уроков из недавнего прошлого! – взяли верх. Хочу надеяться, мне удалось рассказать многое, но при этом не отступить от принципа «Не навреди!».

В книге есть страницы, которые, видимо, вызовут известный интерес. Но они не относятся к разряду тех разоблачительных сенсаций, которыми ныне грешит наша пресса, будоража и взвинчивая общественное мнение. Речь идет о глубинной подоплеке некоторых реальных или вымышленных действий КГБ, которые общеизвестны и, казалось бы, уже «устоялись» в истории, в свете новых фактов, излагаемых в книге, они требуют переоценки.

В то же время я осознаю: могут прозвучать упреки в том, что я чего-то недоговариваю. Поэтому хочу разъяснить, что такого рода недоговоренности проистекают не из стремления скрыть или обойти молчанием какие-то факты. Просто есть судьбы людей, события и явления, которые не могут служить иллюстрацией общих тезисов, а представляют собой крупные самостоятельные «величины», заслуживающие отдельного обстоятельного анализа. Я надеюсь более детально продолжить начатый разговор, сконцентрировав его на теме интеллигенции, власти и КГБ.

И последнее. За долгие годы работы в системе госбезопасности – а проработал я там 45 лет – судьба пересеклась с жизнью множества людей. При мне сменились двенадцать руководителей органов ГБ: Меркулов, Абакумов, Игнатьев, Берия, Круглов, Серов, Шелепин, Семичастный, Андропов, Федорчук, Чебриков, Крючков. Это очень разные люди, как по уровню интеллекта и профессионализма, так и по личным качествам. Конечно, я не имел возможности непосредственно наблюдать работу всех шефов госбезопасности, однако могу передать атмосферу, которая складывалась на Лубянке при каждом из них – а некоторых я достаточно хорошо знал лично. И мне кажется, что сопоставление различных периодов деятельности органов госбезопасности также может помочь раскрытию главной темы этой книги, выраженной в ее заглавии.

Август, 1995

Начало жизненного пути

КАК УЖЕ БЫЛО СКАЗАНО, я не собираюсь писать автобиографию, но некоторые сведения о себе, о своей семье, думаю, сообщить нужно, чтобы стало понятно, как и когда я оказался на работе в системе государственной безопасности и что этому предшествовало.

Родился 1 декабря 1925 года в семье землемера на Украине. То были годы коренной ломки деревни, и отцу вместе с семьей приходилось кочевать по губерниям и уездам.

В 1932 году Украину потряс голод. Не обошел он и нашу семью, осевшую тогда в городе Макеевке. Помню, как вместе со сверстниками бегал на берег пруда и собирал там водоросли и ракушки, чтобы мать могла отобрать что-нибудь для стола, но главной пищей для нас были в те годы сушеные арбузные корки, которые где-то добывал отец.

Как ни удивительно, но уроком на всю жизнь остался для меня один, казалось бы, незначительный случай. Однажды к обеду отец принес из заводской столовой нечто подобное кровавой котлете. Бабушка, конечно же, положила ее мне. Но отец быстро переставил тарелку своему брату, который жил с нами и с трудом поправлялся после тяжелой болезни. Дядя, естественно, стал возражать и отказываться, но отец решительно настоял на своем.

– Не обижайся, Филипп, – сказал он мне, – дядя перенес тяжелый тиф, был при смерти. Посмотри, он и сейчас едва жив, не можем же мы дать ему умереть с голоду.

Не раз вспоминал отцовские слова в годы войны, когда бывало нелегко с питанием, и всегда считал, что последний кусок следует отдать самым слабым.

С большой теплотой вспоминаю свое детство: вечерние костры, спортивные игры, походы. Однажды на пионерском сборе мне поручили повязать красный галстук знаменитому в те годы обер-мастеру доменных печей Ивану Григорьевичу Коробову. Я очень этим гордился.

Неизгладима память об учителях, мудрых и добрых наставниках. Не могу не назвать директора школы Александра Станиславовича Кржеминского, погибшего в застенках гестапо, математика Александру Афанасьевну Самборскую, преподавателей русского языка: «бестужевку» Александру Васильевну Пасхину и Ольгу Тихоновну Буштетт, украинского – Антонину Мефодьевну Павловскую и Иду Анисимовну Бутыльскую. Дороги эти годы атмосферой доброжелательства и дружбы, царившей в школе.

Середина тридцатых годов вообще ознаменовалась великим энтузиазмом всего народа, в центре жизни огромной страны стоял рабочий человек. В Донбассе, родине ударного труда и стахановского движения, для школьников особую гордость составляли имена земляков: шахтеров Изотова и Стаханова, машиниста Кривоноса и трактористки Паши Ангелиной. А сколько радости вызвал подвиг папанинцев, покоривших Северный полюс, перелеты Чкалова и Гризодубовой. Но мальчишки все-таки играли в Чапаева, переживали за испанских республиканцев, радовались победе у озера Хасан.

Это были годы кипучей, интересной жизни, несмотря на 1937 год, когда страну захлестнула волна репрессий, не затронувших редкую семью. Мы жили в доме инженерно-технического персонала. Отец работал на металлургическом заводе имени Кирова. Однажды после ужина, когда мать мыла посуду, он отозвал меня в другую комнату и очень спокойно, но твердо сказал:

– Тебе уже двенадцать лет, Филипп, можно сказать, мужчина. Я хочу, чтобы ты знал: меня могут арестовать. Но пойми, я ни в чем не виноват ни перед народом, ни перед товарищами, совесть моя чиста.

Я был потрясен. За что могут арестовать отца, человека уважаемого и абсолютно честного? Мелькнула мысль: в тридцатидвухквартирном доме, где мы жили, осталось всего пять или шесть мужчин, остальные были уже арестованы. А может, и они ни в чем не виноваты? Раньше такие сомнения не возникали, я, как и многие другие в те годы, был убежден: враги

народа – они и есть враги. Но после слов отца многое представилось совсем в ином свете. Вскоре отца уволили с завода, и он около года был без работы, в местных газетах то и дело появлялись статьи, где его всячески поносили, хотя нельзя было даже понять, за что. По ночам мать вскакивала на каждый шорох и бежала к двери. Над семьей явно нависла угроза. Вскоре нам совсем не на что стало жить, пришлось продавать любимые книги, вещи. К счастью, лихо пронеслось мимо. Но этот год заставил задуматься о многом, запомнился на всю жизнь, и много лет спустя, когда в руководимом мной аппарате ставился вопрос о применении мер пресечения, связанных с заключением под стражу, я искал хоть какую-нибудь возможность, чтобы не прибегать к репрессиям. И нередко находил.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В октябре к Донбассу подошли немцы. Поспешно отходили войска, уехало и городское начальство. Макеевка оказалась в обстановке полного безвластия, в городе появились мародеры, которые принялись грабить склады и магазины. Жители в страхе затаились в своих домах. Надолго остались в памяти жуткие картины этих грабежей и бесчинств.

Не могу не описать два эпизода.

В один из дней безвластия мы с товарищами рано утром пошли по городу в поисках хлеба. Идем по главной улице и вдруг слышим оглушительный рев и свист. Это толпа бесчинствующих, возбуждая себя, неслась в нашу сторону. Деваться некуда – прижались на крыльце дома, в котором размещалось ателье «Индпошива». Оказалось, что мародеры мчались именно сюда, и нас мигом затолкали в помещение мастерской. В одно мгновение было разграблено все: недошитые костюмы, материал, сорваны шторы, обивка кресел и диванов. Уже в пустое помещение вбежал последний грабитель и за неимением ничего другого схватил мелки портных.

Как-то раз мы ночевали на квартире одного из товарищей, окна которой выходили на соседний двор фабрики-кухни (так называли тогда рабочие столовые). Во дворе были свинарники. Ночью нас разбудил дикий визг свиней и крики людей. Глазам предстала страшная картина. Грабили свинарники. Свиней не просто убивали, а живых рубили на части: кому ногу, кому голову, смотря что у кого оказалось в руках.

Позже я видел войну, сталкивался с массовыми беспорядками. И конечно, не обходилось без жертв. Однако и сегодня страшная картина грабежей в Макеевке стоит перед глазами. Картина анархии, рожденной безвластием. Она невольно оживает вновь и вновь, когда думаешь о том, к каким последствиям может привести разгул преступности, ослабление властных структур, поощрение вооруженных формирований, инспирирование межнациональных и сепаратистских конфликтов. Головорезы всегда найдутся.

Отец в то время работал на строительстве оборонительных сооружений на Днепре, а когда вернулся, его завод уже эвакуировали. На семейном совете приняли решение: мы с отцом пойдем догонять своих, а мать, бабушка, младший брат и другие родственники останутся, съедутся в одну квартиру, а там будь что будет.

Покинули Донбасс буквально перед приходом немцев. Долго шли пешком, иногда удавалось подъехать в теплушке или на платформе с эвакуируемым оборудованием.

7 ноября добрались до Сталинграда. Город был полон беженцев, а нам надо было в Пермь. Из Сталинграда удалось выбраться на барже, забитой до отказа, однако все новые и новые беженцы карабкались на борт, срывались и падали в ледяную воду. Никто их не спасал.

В семи километрах от Камышина баржа вмерзла в лед: Волга встала. В трюмах было полно больных. У нас совершенно не осталось ни продуктов, ни воды. Только через трое суток к нам пробился ледокол, всех переправили на пароход «Тимирязев» и довели до Камышина. Дальше мы с отцом двигались вдоль железной дороги Балашов – Пенза – Рузаевка, в основном пешком.

Наконец добрались до Перми, откуда отца направили в Кузбасс прорабом на строящийся завод. На этом же заводе начал работать и я. Вскоре меня избрали комсоргом завода, а затем перевели на работу в горком комсомола – заведующим отделом. Позднее избрали вторым секретарем. Сейчас трудно представить, как мог шестнадцатилетний паренек стать секретарем горкома ВЛКСМ, но в годы войны такое случалось нередко.

Когда стали формироваться добровольческие дивизии сибиряков, в одну из них отец вступил рядовым бронбойщиком и ушел на фронт. Через несколько месяцев в ту же дивизию попал и я. Так осенью 1942 года началась моя военная жизнь.

Полвека с лишним минуло с тех пор. И хотя я прошел на войне довольно длинный путь, сейчас речь не о тех событиях, война – это большая отдельная тема. Коснусь лишь нескольких эпизодов.

Тяжелые бои шли в августе 1943 года. Нам предстояло штурмовать Гнездиловские высоты под Спас-Деменском. Немцы создали там глубоко эшелонированную оборону. По самим высотам проходил противотанковый ров шириной в двенадцать и глубиной в семь метров, за ним тянулась цепь дотов и дзотов, а чуть подальше, в глубине, находились артиллерийские и минометные позиции. Но это еще не все: у подножия высот немцы вырыли три линии траншей впереди рва, перед которыми соорудили заграждения из колючей проволоки и тщательно замаскировали минные поля. Все это входило в систему оборонительного рубежа, прорыв которого открывал советским войскам дорогу на Смоленск, Минск и давал выход к Польше.

Нашей дивизии поставили задачу овладеть высотой с отметкой 233,3, в районе станции Павлиново.

7 августа на рассвете началось наступление. Тысячи орудий и минометов разного калибра одновременно ударили по немецким позициям. Залпы батарей слились в оглушительный грохот, было такое впечатление, что каждый куст, каждая лоштинка изрыгают пламя. Артподготовка продолжалась два часа. Едва она закончилась, как в небе послышалось мощное гудение моторов – наши штурмовики пошли добивать то, что уцелело от артобстрела. Только после этого поднялась царица полей – пехота. Сражение длилось весь день, к вечеру вступил в бой наш полк, сменив тех, кто выбил немцев из первой траншеи – она была завалена трупам главным образом немецких солдат. Не задерживаясь, мы атаковали вторую линию обороны и довольно быстро овладели ею, с ходу влетев в глубокий, хорошо укрепленный немецкий окоп, я вдруг почувствовал страшную усталость, словно пробежал сотню километров и прожил целую вечность. Потом немного пришел в себя, огляделся и увидел нишу, заполненную немецкими ручными гранатами. Я очень обрадовался, ведь лишнего оружия в бою не бывает.

Внезапно со стороны противника донесся рев танковых моторов и затрещали автоматные очереди – немцы пошли в контратаку. Стальные чудовища медленно приближались, надвигаясь на наши позиции, сея панику: ведь у нас не было достаточно средств для борьбы с танками. Вот когда я впервые испытал настоящий страх, помноженный на бессилие!

К окопу, в котором я находился, подползало самоходное орудие «Фердинанд», позади него мелькали зеленые шинели.

Раздумывать было некогда, я связал десяток немецких гранат, прикрепил к ним нашу «лимонку», которая должна была послужить детонатором, и стал ждать.

И тут произошло невероятное. Земля впереди и позади нас задрожала, вокруг запылали сухая трава, опушку леса заволокло дымом. Огненные стрелы разорвали вечерние сумерки.

«Фердинанд» задымил, начал пятиться назад и вскоре запылал ярким пламенем. Мы поняли, что нас накрыл огонь «катюш». Как мы уцелели, одному богу известно...

Немцы убрались восвояси, а мы принялись закрепляться в занятой траншее. Следующие четверо суток наши позиции напоминали крошечный ад. Мы отбивали одну контратаку за другой, сами атаковали, обливаясь потом и кровью, теряли товарищей.

Но вот после одной нашей неудачной атаки наступило затишье. Выглянуло солнце, мы вдруг почувствовали, что жизнь продолжается, несмотря на ужасы войны. Не хотелось думать, что до ее конца еще очень далеко...

Я и мой друг Вася Авдеенок из города Ачинска занимали соседние окопчики. Сидели молча, говорить ни о чем не хотелось. Вдруг откуда-то с опушки леса послышались одиночные выстрелы. Похоже, там притаился немецкий снайпер. И тут мы увидели, что к нам, выпрямившись в полный рост, идет командир одной из рот нашего батальона. Я закричал:

– Ложись! В лесу снайпер!

Но он, вероятно, не расслышав, неторопливо подошел к нам и, махнув рукой в сторону леса, крикнул, что там пункт сбора батальона. Он сделал еще один шаг, намереваясь спрыгнуть в окоп к Авдеенку, но тут с опушки снова раздался выстрел, и командир рухнул, сраженный пулей снайпера. Немало мне пришлось видеть смертей в бою, но эта смерть в изумительный солнечный день среди ликующей природы потрясла до глубины души... Жизнь оборвалась на полуслове.

Мы стали внимательно следить за высокими деревьями, так как выстрел прозвучал откуда-то сверху. Вскоре заметил, как зашевелились ветки огромной раскидистой ели, схватил винтовку и прицелился. Снайпера снял, но тут же три пули ударились о бруствер окопа рядом с моей головой. Оказалось, что с соседнего дерева стрелял второй снайпер. С ним разделался Вася Авдеенок. Станным показалось лишь одно: ни один из немецких снайперов не упал на землю. Выяснили мы это двумя днями позже, когда полностью овладели высотой. Оказалось, что снайперы были прикованы к деревьям цепями – так гитлеровцы наказывали своих штрафников.

Всем сибирякам 22-й и 65-й гвардейских стрелковых дивизий навсегда запомнилась эта высота, она стоила жизни 1252 солдатам и офицерам, покоящимся там в братской могиле. Мне же эти бои памятливы еще и первой боевой наградой – медалью «За отвагу».

Вскоре во время боя за станцию Павлиново пулей ранило руку. Вторая пуля пробила каску, но череп, к счастью, не задела, прошла по касательной. Лечился в медсанбате.

Однажды в его расположение прискакали двое всадников. Первого я узнал сразу – комбат Захарченко, а когда разглядел второго, глазам не поверил: отец! Оказалось, он служит в соседней дивизии помощником начальника штаба полка. Узнал о моем ранении и, конечно же, разыскал.

Когда я подлечился, попросил направить в полк отца. Это оказалось делом несложным, и дальше мы воевали вместе, в одном полку, где я был назначен комсоргом батальона.

За бой под местечком Ленино, в Белоруссии, я был награжден второй медалью «За отвагу». Кстати, в этом бою мы воевали вместе с прибывшей на фронт польской дивизией имени Тадеуша Костюшко, которая приняла на себя готовившийся специально для нее удар немецкой авиации. Нашему батальону, находившемуся по соседству, тогда тоже досталось. Впоследствии Ленино стало святым местом для польских солдат, воевавших в составе советских войск.

А вскоре за бои под Оршей меня наградили только что учрежденным солдатским орденом Славы III степени. Но такие награды на войне стоили дорого – я получил второе, на этот раз очень тяжелое ранение: более сорока осколков изрешетили тело, пробили плевру легких.

В Москве на Белорусском вокзале санитарный поезд обходила бригада врачей знаменитого хирурга академика Брайцева, они отбирали тяжелораненых по своему профилю и отправляли в клинику. В их число, к счастью, попал и я. Восемь месяцев пролежал в ней и все-таки выздоровел.

Центральную клиническую больницу имени Семашко Наркомата путей сообщения и ее прекрасных врачей всю жизнь вспоминаю с благодарностью.

В Москве не задержался, поехал искать свою Сибирскую добровольческую, нашел ее, разыскал и свой полк. Снова встретил отца, и мы продолжали воевать вместе.

Шел апрель 1944 года. Полк дислоцировался под городом Новоржевом – то был воспетый А.С. Пушкиным Псковский край. До самого июля на фронте продолжалось затишье. Ходили за «языком», обучались новой тактике наступления: идти за огневым артиллерийским валом. Вещь малоприятная, так как при этом использовались боевые снаряды. Порой не обходилось без несчастных случаев. Зато как мало было потерь потом, в настоящем бою!

Немцы тоже не дремали, шла подготовка к возможному применению против нас химического оружия. С этой целью наши позиции регулярно обстреливали дымовыми снарядами. Мы узнавали их по тихому шелесту над головой и мягким, почти беззвучным разрывам. Над воронками от снарядов поднималось и долго стояло облако зеленоватого дыма. Так немцы старались притупить нашу бдительность, перед тем как начать обстрел настоящими отравляющими веществами. Но рисковать они все же не стали.

В нашем полку сложился тогда очень дружный коллектив. До сих пор переписываюсь с начальником штаба полка Арсентием Иштыковым, с его помощником по разведке, моим непосредственным начальником, Павлом Ширяевым, с комбатом Ефимом Долгушиным и командиром полкового взвода связи, мужественной женщиной Галиной Ждановой.

13 июля полк снялся с обороны и маршевой колонной пошел вперед во втором эшелоне наступающих. Кратковременные стычки с немцами нас мало беспокоили.

Однако на войне любой день может оказаться роковым. Настал он и для меня...

Около пяти часов утра я встретил колонну отца вблизи деревни Большие Гривны. Красивое место; деревушка расположилась на горке, от нее к речке спускался косогор, а на нем – густая зеленая дубрава. День выдался солнечный, и к шести часам золотой свет залил все вокруг. Отец, очень любивший природу, сказал:

– Вот закончить бы побыстрее войну и поселиться здесь!

Но я видел, что настроение у него совсем не радостное, он заговорил о каких-то вещих снах, о мрачных предчувствиях, я попытался обратить разговор в шутку, стараясь развеселить отца, потом пошел на свое место – в голову колонны.

Спустя часа два полк наткнулся на немецкую засаду. Завязалась перестрелка. Движение остановилось. Пользуясь передышкой для разведчиков, шедших впереди полка, я зашел к отцу. Мы позавтракали вместе, а затем я вновь направился в голову колонны.

Но едва отошел метров на двести, как из-за леса вынырнул «мессершмит». Оглянулся на штабную повозку, возле которой стоял отец. Он махнул мне рукой и крикнул:

– Берегись, сейчас ударит по нам!

И действительно, «мессершмит» развернулся и сбросил бомбу в расположение штаба. В небо взметнулся фонтан черной земли, раздался оглушительный взрыв, с воем пронеслись осколки, я бросился туда, где только что находился отец, и увидел окутанную дымом глубокую воронку, раненых лошадей, тела убитых. Отца нашел в кювете. Он лежал на боку, был в сознании.

– Посмотри, что у меня с ногой... – чуть слышно произнес отец.

Перевернув его, я увидел зияющую рану на бедре, из которой торчал огромный осколок.

– Нога цела... – с трудом пробормотал я.

– А где знамя? – спросил отец, стиснув зубы от боли.

Дело в том, что в его обязанности входила охрана полкового знамени. Я огляделся и увидел неподалеку знамя, отброшенное взрывной волной, – оно воткнулось в землю верхним концом древка.

Подбежали санитары и оказали отцу первую помощь. Мы доставили его в медсанбат, и там я с ним простился.

– Догоняй полк! – сказал отец на прощание.

А утром его не стало, он погиб от гангрены.

Мне предстояло воевать еще почти год, немало было пережито, но об этом нужно писать отдельно. Скажу только, что долгожданный День Победы я встретил в Курляндии гвардии старшиной девятнадцати с половиной лет от роду.

Память хранит не только события военных лет, но и более поздние отголоски войны.

Москва. 1961 год. В связи со служебными делами у меня установились хорошие отношения с немецким корреспондентом, человеком очень порядочным, давно интересовавшимся нашей страной и относившимся к ней с большим уважением, хотя в годы войны он был солдатом вермахта и воевал, как он сам говорил, честно.

Сидим однажды вечером, беседуем о московских новостях, о судьбах Германии и невольно затронули тему войны. А когда каждый из нас стал вспоминать, где воевал, оказалось, что в октябре 1943 года около местечка Лядцо, под Могилевом, мы были в одном бою – только по разные стороны. Можно себе представить, что мне пришло в голову! Ведь мы могли стрелять друг в друга и один из нас мог погибнуть от пули другого! Не было бы этой нашей встречи.

Беседа уже не клеилась, оба мы чувствовали неловкость и какую-то вину. Наконец, пришли в себя, кисло улыбнулись и потянулись к графину.

Такова война... Я не жалею об этой встрече, ведь она – еще один повод для раздумий.

К месту ли это воспоминание? Раз написал, думаю, что к месту. Хотелось бы пожелать другим не иметь таких встреч и воспоминаний, не стрелять друг в друга!

Школа СМЕРШ

ОТГРЕМЕЛИ ПОБЕДНЫЕ САЛЮТЫ, отошли в прошлое скромные застолья, и победа над фашизмом воспринималась уже не только как праздник, она стала действительностью, и всем нам – вчерашним солдатам предстояло входить в мирную жизнь, выбирать профессию. Однако выбирать не пришлось.

Меня, молодого коммуниста и к тому же «обстрелянного» солдата, направили на учебу в школу Смерш для последующей работы в системе госбезопасности. Выбор все-таки предложили: Московскую или Ленинградскую школу.

Я выбрал Ленинград. В Москве уже был, лежал там в госпитале и, правда, мельком, но все-таки видел город, а в Ленинграде никогда не был, хотя очень много знал о нем из книг и рассказов друзей-ленинградцев, с которыми познакомился в эвакуации, в Ленинске-Кузнецком.

Так 9 июня 1945 года я переступил порог Ленинградской школы контрразведки Смерш. Деталь, оставшаяся в памяти. Когда вошел во двор школы, началось полное солнечное затмение. Абсолютная темнота. Позже пришла в голову мысль: «К добру ли это?»

Первый, кто встретился мне в школе, был Константин Обухов, ставший потом моим большим другом. Недавно он ушел из жизни, будучи генерал-майором в отставке, а тогда являлся начальником курса, боевым офицером в звании лейтенанта. Он выдал мне матрац, показал комнату и кровать. Когда мы познакомились поближе, я спросил:

– Костя, а можно отсюда уйти в самоволку?

– Вот там, в том парадном, есть дверь с выбитым стеклом. Посмотри налево-направо, нет ли поблизости часового, и, если мимо идет трамвай, быстро прыгай на подножку и гуляй себе вволю. Ведь на медкомиссию тебе надо явиться только через три дня. Придешь прямо туда, а пока делай, что хочешь. Оставь только талоны на питание, чтобы я не вызывал тебя на построении.

Я воспользовался этим советом и ушел в город, благо знакомых было много. Бродил по Ленинграду, о котором столько мечтал, ночевал у друзей и в положенный день предстал перед медкомиссией. Вопреки ожиданиям, меня признали годным и зачислили в школу.

Конечно, о работе в органах госбезопасности у каждого из нас были самые разные, нередко романтические представления, навеянные литературой. Но начались занятия в школе, и постепенно стала вырисовываться совсем иная картина – мы поняли: нас ждет упорная и нелегкая повседневная работа, которая потребует мобилизации всех сил, а главное – серьезных знаний и умения.

Тогда многие из нас узнали, что означает эта странное слово – Смерш. Оказывается, оно расшифровывалось как «Смерть шпионам!», и придумал такое название сам Сталин. Нам казалось, что это слово проникнуто даже какой-то романтикой.

Нашу жадность к занятиям можно понять: ведь многим из курсантов пришлось из-за войны прервать образование. Поэтому читали все подряд, просто упивались чтением.

Надо сказать, книгу я полюбил с детства. Памятна история прочтения романа С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Отец положил в вещевой мешок двухтомник эпopeи, когда мы уходили из Донбасса. Мы с ним читали эту книгу на платформах поездов, уезжавших оборудовать на восток, на ночевках, и по мере прочтения отец использовал листы на самокрутки, потому что другой бумаги ведь не было. Так и дочитали, и докурили. Осенью сорок третьего, когда мы вошли в какой-то дом в одной из отбитых у немцев деревень, на чудом сохранившейся этажерке я увидел третий том «Севастопольской страды», взял с собой и читал на привалах. Последний том одолел уже в сорок четвертом на госпитальной койке, когда немного пришел в себя после второго ранения. Летом сорок третьего наша дивизия находилась

на передислокации под Гжатском, получив гвардейское звание. Каким-то образом к офицерам полка попала книга Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Она долго ходила по рукам и в конце концов осела у меня. Я читал ее вслух солдатам во время перерывов на учениях, затем на привалах по пути на фронт, а закончил в окопе перед атакой на Гнездиловские высоты. Дочитал, положил книгу на бруствер окопа и, перевалившись через него, пошел в бой.

Оказавшись в Ленинграде, в свободное от занятий время многие из нас целые дни проводили в публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, а по воскресеньям посещали открытые лекции в университете, где курс западной истории читал академик Евгений Викторович Тарле.

Но это было потом, а пока проходили мандатную комиссию, пока нас проверяли, группе абитуриентов поручили одну работу: во время войны множество книг из частных библиотек и разбитых хранилищ свезли в Петропавловскую крепость. Необходимо было разобрать их и вернуть в библиотеки. Я попал в команду, которой предстояло сортировать книги на хорах собора Петра и Павла. Каких только уникальных изданий я там не увидел! Книги с автографами Достоевского, Герцена, Огарева, Горького, подшивки журнала «Будильник»... Да чего там только не было!

Мы забирались на хоры собора, читали и не могли оторваться. Часами сидели почти под куполом, пока не спохватывались и не принимались снова за дело. Работы было много, но задание все же выполнили, хотя и задерживались в соборе чуть ли не до самого отбоя.

В выходные дни ходили в театр, причем иной раз дважды: на утренний и на вечерний спектакли – восполняли упущенное во время войны.

Те годы в Ленинграде незабываемы. На Петроградской стороне довольно часто можно было наблюдать такую забавную сценку: курсанты в форме самых различных родов войск, бывшие летчики, танкисты, пехотинцы (все мы донашивали свои военные «мундиры») – идут одной колонной, а вездесущие ленинградские мальчишки, пристроившись сзади, шагают в ногу с нами и вопят во все горло: «Шпионы идут! Шпионы идут!» Они-то все знали.

Ленинград был, конечно, ни с чем не сравнимым городом. И никому не в обиду будь сказано, господствовала в нем особая, отличавшая только этот город культура. Видимо, здесь сыграла свою роль старая петербургская интеллигенция. Со временем эта грань между Петербургом и другими городами, к сожалению, стала стираться, возможно, повлияло то обстоятельство, что в значительной степени сменилось коренное население: после войны много людей приехало в Ленинград из других городов и районов страны, заменив нашедших вечный покой на Пискаревском и иных кладбищах.

Требования к слушателям в школе предъявлялись высокие, но мы и сами учились старательно, и не только по учебникам. И практические занятия, и теоретическую подготовку с нами проводили, широко используя документы и дела военной контрразведки. Разумеется, осваивался и опыт только что закончившейся войны.

Учиться было очень интересно. Мы знакомились с документами, связанными с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, изучали методы заброски этой агентуры немецкими спецслужбами, подробно разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. Наряду с этим, конечно, штудировали операции по проникновению нашей разведки и контрразведки в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и штабы войск. Нужно было освоить весь этот годами накопленный опыт, ведь работа в контрразведке потребует очень серьезной профессиональной подготовки.

Уже тогда стало заметным, что во всех курсах специальных дисциплин упорно обходили период 1937–1938 годов, и только в программе истории ВКП(б) находила отражение деятельность троцкистов и других политических группировок.

Нелепо было бы верить, будто никто из нас, в том числе и я, ничего не знал о жестоких репрессиях того времени – моим родственникам пришлось испытать все это, так сказать, на собственной шкуре. Но в школе об этом периоде говорилось глухо, и это в Ленинграде, где в те годы все было обострено до крайности.

Много лет прошло после убийства С.М. Кирова, но в городе его имя было еще у всех на слуху. Давно сменили его герои обороны Ленинграда, признанные авторитеты: Кузнецов, Попков, Капустин, но имя Кирова по-прежнему оставалось для них свято. Недаром в блокадную зиму 1941 года прозвучали знаменитые стихи Николая Семеновича Тихонова «По городу Киров идет».

Почему в учебном процессе замалчивалась деятельность следственных органов тех лет, понимали далеко не все, однако вопросов никто не задавал и каждый находил этому свое объяснение. Должен сказать, что мысль о незаконности репрессий большинству из нас, слушателей школы Смерш, даже в голову не приходила. Тем более что наши наставники постоянно внушали: в работе следует строго соблюдать законность, объективно подходить к оценке оперативных материалов, исключать провокационные методы в деятельности.

Разумеется, время, переживаемое после Победы, само собой сняло некоторые вопросы, казалось, самое важное – восстановить разрушенное, залечить раны. И наверное, незабвенный Николай Черкасов, играя Ивана Грозного в пьесе В. Соловьева «Великий государь», в те годы говорил о том же: «Когда вокруг тебя кишат такие змеи, то и ужа, принявши за змею, убить не грех».

К сожалению, эта глубоко порочная мысль закрепилась на Руси издавна в народной поговорке: «Лес рубят – щепки летят».

После войны люди хотели жить, вспоминая только самое лучшее из довоенных лет. И нам было чем гордиться – ведь мы выстояли в кровавой войне, победили фашизм!

Кстати, в последние годы мы все как-то стали забывать о важнейшем факторе, несомненно повлиявшем на исход войны. У нас много говорилось и писалось о планах Гитлера по уничтожению коммунистов и евреев, но при этом забыта и такая цель гитлеровской верхушки, как уничтожение славянских народов. А ведь именно борьба против этой угрозы объединила многие народы, и они сражались не только за свою независимость, свою государственность, но и за само существование. Не случайно возникли в те годы различные славянские комитеты, а солдаты на фронте называли себя «братья-славяне». В сознании народов, сражавшихся против немецкого фашизма, постоянно жила мысль о грозившем им геноциде.

Поколение, прошедшее войну, хорошо знает, чем угрожали нам главари фашистского рейха. Достаточно вспомнить хотя бы некоторые их публичные выступления: «я надеюсь, что нам удастся полностью уничтожить понятие “евреи”, так, существует возможность массового переселения всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию. Несколько больше времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лемки. Все, что было сказано, в еще большей степени относится к полякам... Что же касается отдельных народностей, мы не стремимся к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального самосознания и национальной культуры... Для немнемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ... Самое большее – счет до 500, умение расписаться... Идеально было бы научить их понимать лишь язык знаков и сигналов... По радио населению должно преподноситься то, что для него приемлемо, музыка без всяких ограничений. Ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе... Если русские, украинцы, киргизы и т. д. научатся читать и писать, это нам может лишь повредить... Никакого обучения, кроме понимания дорожно-транспортных знаков... Необходимо исходить из того, что главная миссия этих народов – обслуживать нас экономически».

Тогда в школе Смерш я получил первый, если так можно выразиться, политический нокдаун. Мы все зачитывались поэмой Александра Хазина, опубликованной в журнале «Ленин-

град»; у каждого на слуху были остроумные афоризмы Михаила Зощенко, замечательные стихи Анны Ахматовой. И вдруг в августе 1946 года выходит постановление ЦК партии с уничижающей критикой журналов «Звезда» и «Ленинград», где публиковались произведения этих авторов. Многие из нас понимали, что совершается несправедливость, но в чем тут дело, объяснить не могли. Во всяком случае, я и мои товарищи поспешили в театр, чтобы успеть посмотреть – кто впервые, а кто и еще раз – «Парусиновый портфель» М. Зощенко.

Я оказался в довольно сложном положении. К тому времени я еще более сблизился со своими друзьями по эвакуации, был вхож в семьи творческой интеллигенции. Очевидно, меня приняли там благодаря моей молодости, фронтовому прошлому, которое ленинградцы особенно ценили.

Постановление ЦК обсуждалось во многих партийных организациях города. Дошла очередь и до нашей школы. Нашлись, конечно, активисты, стремившиеся продемонстрировать свое усердие перед начальством, но большинство слушателей находилось в растерянности. Встречаясь с друзьями-ленинградцами, я испытывал неловкость: а что, если они перестанут доверять мне, курсанту школы МГБ? К счастью, этого не произошло, друзья все отлично понимали.

Пожалуй, это был первый случай в жизни, когда у меня вызвала серьезные сомнения официальная партийная установка, которую объяснить себе не мог.

Вместе с тем впервые понял, как важно самостоятельно оценивать факты, стараться разобраться во всей сложности происходящих событий и выработать собственную позицию. Конечно, я не сомневался в правильности линии партии – просто осознал, что надо иметь свою точку зрения в любых ситуациях.

Занятия в школе Смерш, встречи с творческой интеллигенцией, приобщение к культурно-историческим ценностям Ленинграда оставили неизгладимый след в моей жизни. Ленинград навсегда остался для меня незабываемым городом моей юности.

После окончания школы был направлен в Москву, правда, произошло это случайно. Оставаться в Ленинграде больше не мог, после ранения в легкие сырой климат «северной столицы» был для меня абсолютно противопоказан: стоило пробежать стометровку, как открывалось кровохарканье. Согласно предварительной наметке, мне предстояло работать в Западной Украине.

Осенью 1945 года началась война с Японией, и курсантам дали отпуск, чтобы они могли съездить домой. Срок увольнения определялся для каждого в зависимости от расстояния до дома. Для поездки в Макеевку мне полагалось 25 дней, но из-за оплошности писаря, который вместо «Макеевка» написал в моих документах «Москва», мне дали отпуск всего на десять дней – до Макеевки уже не доберешься. Пришлось остаться в Ленинграде. А вскоре пришла заявка из Москвы, куда направляли главным образом выпускников-москвичей, и из-за ошибки писаря я тоже попал в их число. Мои заявления, что я не москвич, в расчет не приняли, заподозрили, будто кривил душой, скрывая наличие жилплощади. Тогда это был немаловажный критерий отбора для работы в Москве. Так я оказался в столице.

В октябре 1946 года младшим лейтенантом я впервые переступил порог Лубянки, где мне суждено было провести много долгих дней, а зачастую и ночей – вплоть до отставки в 1991 году в звании генерала армии. А тогда, по окончании школы Смерш, меня определили на самую низшую должность помощника оперуполномоченного. Впереди был нелегкий и сложный путь – жизнь чекиста, полная нервного напряжения, тяжких раздумий и переживаний, постоянных поисков единственно верного решения, исключающего малейшую ошибку, жизнь, главной целью которой я считал служение Родине.

«Холодная война»

РАССМАТРИВАЯ ОБСТАНОВКУ, сложившуюся в нашей стране к началу моей работы в КГБ, невольно обращаюсь к далекому прошлому – к годам Октябрьской революции. Рождение Страны Советов буржуазный мир тогда воспринял враждебно.

В этой связи мне показалось интересным процитировать японскую газету «Токио кокумин симбун». И хотя это не столь видный авторитет, но она предельно ясно и цинично выразила отношение к революции в России.

Так, 10 февраля 1919 года газета писала:

«Союзники должны взять на себя контроль над Россией и, поставив своей целью сохранение порядка, временно взять власть у самоучрежденного правительства, включая военную и полицейскую... Если бы это предложение было принято и Япония получила бы контроль над Сибирью, а Америка над Россией, то Америка должна была бы выполнять и общие обязанности... Что касается японского контроля над Сибирью, то против этого, мы уверены, не возражала бы ни одна из держав, принимая во внимание нашу географическую близость к Сибири.

Конечно, контроль над Россией будет лишь временной мерой. Контроль же над неразвитыми колониями примет по необходимости длительный характер. Он продлится десятки, а может быть, и сотни лет».

Так оно и было. Антанта ринулась реализовывать свои планы. Ее участникам отводились определенные районы нашей страны – кому побольше кусок, кому поменьше; при этом старались никого в обиду не оставить, территория огромная, всем хватит.

Не получилось... И произошло это главным образом потому, что против иностранной агрессии поднялись все народы, населявшие Россию.

В итоге, кроме одной-единственной, господствующей в мире капиталистической системы, зародилась и утвердилась другая, пока еще совсем слабая – социалистическая.

Уже в первые годы существования нашего нового государства идеи социализма оказались весьма привлекательными для многих. Немало выдающихся деятелей мировой культуры горячо, а порой даже восторженно приветствовали новый, еще далеко не окрепший строй: Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер, Рабиндранат Тагор, Чарльз Чаплин, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Бертольт Брехт, Элтон Синклер, Мартин Андерсен-Нексе, Анатоль Франс, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер – всех не перечислить. Легко понять, какую ярость это вызывало в мире капитала. Она усилилась, когда клич английских рабочих «Руки прочь от России!» подхватили народы других стран. Конечно, враги социалистического строя смириться с этим не могли, наша страна оказалась в политической и экономической изоляции. Нам ничего не давали в кредит и ничего не продавали за наличные: решили выждать, пока мы задохнемся сами.

А между тем новая Россия развивалась и крепла.

Вот что писал по этому поводу Бернард Шоу в 1932 году: «Исключение России из международной торговли было актом слепоты и сумасшествия со стороны капиталистических держав. Бойкотируя Россию путем неистового террора против коммунизма, они предоставили ее собственным ресурсам и заставили спасать себя при помощи развития своих физических и культурных сил. Сейчас... безнадежная Россия отвратительного царизма становится энергичной, трезвой, чистой, по-современному интеллектуальной, независимой, цветущей и бескорыстной коммунистической страной». А год спустя, выступая в зале «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, он сказал: «Русские вытянули страну потому, что дружно тянули все вместе... Я спрашиваю тех дурацких злонамеренных близоруких господ, которые пишут в американских газетах лживые глупости о России, обвиняют ее, утверждают, что русский коммунизм обанкротился... о чем они при этом думают? Чего они хотят – возвращения царизма?.. К счастью,

провидение, которое неплохо относится к Америке, сделало Россию коммунистическим государством, и до тех пор, пока в ней сохранится этот строй, вам нечего бояться».

А вот свидетельство английского писателя Джеймса Олдриджа, относящееся уже к 1965 году: «Существование социалистического государства запечатлено где-то в глубине сознания каждого пролетария, когда он и его товарищи по труду вступают в очередной бой за свои права, и это больше, чем что-либо иное, терзает капиталистов... вынуждает многих из них идти на компромисс с рабочими. Один лишь тот факт, что СССР существует, неизмеримо укрепляет позиции рабочих всего мира».

Борьба шла не на жизнь, а на смерть, приостановилась она лишь в годы Второй мировой войны, когда фашизм занес свой меч и над западными демократиями, меч, который только собственными силами они остановить не могли. Тогда-то им понадобилась антигитлеровская коалиция: они хотели с нашим участием, а нередко исключительно нашими руками одолеть фашизм. Но едва на Западе увидели, что под воздействием победы над фашизмом начали рушиться прежде всего колониальные устои, силы антикоммунизма сплотились и повели жесточайшую борьбу с целью локализовать влияние социализма в послевоенной Европе, а в конечном итоге – локализовать социалистический строй в тех странах, где он успел пустить свои ростки.

Об этом написано немало, но кое о чем все же следовало бы напомнить. Еще шла война, но, когда исход сражения был уже предрешен, западные державы начали активную деятельность, направленную против СССР.

Открытый вызов, означавший начало «холодной войны» против СССР, прозвучал в известной речи английского премьер-министра Уинстона Черчилля, которую он произнес в Фултоне (США) 5 марта 1946 года – сразу же после окончания Второй мировой войны. Черчилль призвал создать... «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке», проще: создать военный блок в противовес СССР и его послевоенным союзникам. Английский премьер призвал применить силу против СССР, и притом немедленно, пока Советский Союз еще не создал свое атомное оружие. Тогда же прозвучало выражение «железный занавес», которое впервые употребил Геббельс в своей статье в феврале 1945 года: «“Железный занавес” против коммунизма». «Заслуга» Черчилля состояла в том, что он этот занавес опустил.

Расчет был прост. Советский Союз истощен, обессилен войной, разрушены тысячи заводов, фабрик, городов, а главное – у него нет атомного оружия, которым располагает Америка, а потому сокрушение нашей страны не представит особых трудностей. И машина завертелась.

Резкой отповедью ответил на это выступление И.В. Сталин в своем интервью корреспонденту газеты «Правда»: «...По сути дела, г. Черчилль стоит на позициях поджигателей войны. И г. Черчилль здесь не одинок – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». В интервью было отмечено, что своим выступлением в Фултоне Черчилль поразительно напоминает Гитлера: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Уже сам факт присутствия американского президента Трумэна во время выступления Черчилля в Фултоне свидетельствовал о том, что английское и американское руководства действуют согласованно. Вскоре по указанию Трумэна его специальный помощник Клиффорд представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза», где излагались основные принципы и методы готовившейся войны. В частности, в докладе

отмечалось: «Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком...

Надо указать советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощностью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Нужна высокотехнологизированная армия, перебрасываемая морем или по воздуху, способная захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, которую должны поддерживать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прошедшая война».

Появление в 1949 году у нас атомной бомбы вызвало шок даже у тех, кто уже планировал, как распорядиться территорией и населением СССР. Однако наши противники оправились быстро и, будучи убеждены, что Советский Союз никак не ждет внезапного нападения США – своего вчерашнего союзника в войне, начали подготовку к всепоглощающему ядерному удару. Один за другим рождались тщательно разработанные планы разгрома нашей страны. Какие только проекты под номерами и кодовыми названиями не создавались в высших эшелонах власти США – достаточно вспомнить директивы «Грайан», «Хотелити», «Чаризтир», «Флитвуд»!

Поражают чудовищно циничные расчеты, содержащиеся в каждой строчке этих документов. «Первый удар по 20 городам... сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, из них 8 на Москву и 7 на Ленинград... Сбросить 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб на 100 городов... Сбросить 300 атомных бомб...»

При этом указывались точные цифры: после какого удара будет разрушено 85 % нашей промышленности, было скрупулезно подсчитано, сколько миллионов людей погибнет после первого удара, после второго, третьего... Столь же тщательно подсчитывали западные политики и наши военные силы, и возможные собственные потери.

Был по пунктам расписан «порядок», который США намеревались осуществить после своей победы: «На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (Каковы выражения! – Ф.Б.) советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней территории местный аппарат коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

Проблема, как справиться с ним, решается относительно просто. Нам кажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создают рядовые члены коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат и арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними... это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда...»

Более пяти лет один за другим корректировались и менялись планы атомной войны против СССР, пока в США не пришли к выводу, что она невозможна. Это подтвердил и американский историк А. Браун, проанализировавший планы руководства США после их рассекречивания.

«1. Соединенные Штаты вполне могли проиграть Третью мировую войну; 2. Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дней; 3. Командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение для нанесения атомных ударов; 4.

Русские атомные бомбардировщики и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны; 5. Америка не смогла бы защитить свои собственные города...»

Итак, уже к 1950 году американским политикам стало ясно, что военными действиями разгромить СССР не удастся, и тогда родился новый план разрушения Советского Союза. Он был рассчитан на длительное время и состоял из двух основных разделов.

Первый. Вести массированную, широкомасштабную «холодную войну», направленную на подрыв строя, с целью его развала мирным путем. Этот раздел разрабатывали ранее существовавшие и вновь созданные научные центры.

Особо были выделены три направления.

1. Компрометация компартии как руководящего органа страны с целью полного ее развала и ликвидации.

2. Разжигание национальной вражды.

3. Использование авторитета церкви.

Второй. Максимально наращивать новейшие виды вооружений, чтобы втянуть Советский Союз в непосильную гонку вооружений и истощить экономически.

Был разработан так называемый «проект демократии», он предусматривал широкомасштабную помощь тем кругам в СССР и в странах Восточной Европы, которые находились в оппозиции к правящему режиму, – в виде предоставления денежных средств, вооружения, типографского оборудования, налаживания среди населения подрывной деятельности в этих странах и осуществления тайных операций, вплоть до физического устранения неугодных лиц.

Таким образом, планировались не просто акции пропагандистского характера – идеологическая диверсия (или, в западной терминологии, психологическая война) имела две совершенно определенные позиции. Первая – это гласные формы: радиопропаганда, печать, телевидение, которые ловко и умело использовали просчеты и ошибки лидеров партии и государства, сопровождая свои комментарии потоками лжи и клеветы и призывая людей к открытой борьбе с существующим режимом.

Вторая – закрытая деятельность: поиск сообщников, объединение их в группы, оказание им материальной помощи, с тем чтобы они создавали внутри страны так называемые очаги сопротивления, которые способны были бы в нужный момент выступить, поддержать тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу против существующего строя.

«Психологическая война, – отмечалось в директиве США СПБ 20/1, – чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране.

Широкая психологическая война – одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель – уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов установившейся в этих странах системы правления и внедрение среди них сознания того, что свержение Политбюро – в пределах реальности».

Знали ли мы обо всем этом? Безусловно, знали. Практически не было ни одного плана атомного нападения на нашу страну, ни одной инструкции американской разведки и других спецслужб, направленных на свержение советского строя, о которых не были бы осведомлены органы государственной безопасности и, разумеется, руководства партии и правительства.

Следует отметить, что в гонке вооружений, их совершенствовании Советское государство несколько не отставало, а по ряду видов военной техники даже превосходило и опережало Запад. Что касается все шире и глубже развертывавшегося против нас идеологического и психологического наступления, которое представляло не меньшую опасность, чем приготовления в военной области, то здесь руководство СССР не принимало сколько-нибудь серьезных мер.

И вовсе не потому, что нам нечем было защищаться или наши идеалы оказались несостоятельными, как ныне утверждают многие. Нет, принципы социальной справедливости издавна

были привлекательны для народов разных стран, они бессмертны. Народы органически не воспринимают и никогда не воспримут «мыслителей», которые провозглашают процветание одних за счет других.

Наша трагедия заключалась в другом.

Десятилетия после смерти Сталина во главе партии – за исключением очень короткого периода, когда пост Генерального секретаря ЦК занимал Ю.В. Андропов, – стояли люди, для которых политика нередко служила только фразой. Некомпетентность не позволяла прогнозировать события, опираясь на данные серьезных ученых: социологов, философов, политологов и историков.

Многие руководители часто цитировали Ленина, реже – Маркса, но, похоже, сами они были не слишком хорошо знакомы с произведениями классиков.

Читаю воспоминания бывших лидеров партии, и странное рождается чувство. Все эти люди пишут по-разному, но, в сущности, об одном и том же: как они боролись с всесилием партии, находясь у ее руля. Будто прекрасно видели и понимали, в чем корень зла: партия подавила государственную власть, взяла на себя управление экономикой. Все это видели, но убеждали народ в том, что так и должно быть, и при этом ограничивались лишь демагогическими призывами жить по Ленину, вернуться к ленинским принципам. То же самое происходило и в начале перестройки, когда был выдвинут лозунг: жить по заветам Ленина, снять наросты сталинского времени, а затем началась переоценка завоеваний Октябрьской революции. Невозможно понять, когда же эти люди были искренни! Еще неизвестно, какие новые откровения появятся из-под пера этих политиков. Так, например, Шеварднадзе уже заговорил о кровавой истории захвата Грузии Россией, хотя еще вчера со слезами умиления упоминал о Георгиевском трактате, по которому Грузия в XIX веке добровольно перешла под покровительство России.

После распада СССР мне приходилось не раз слышать упреки: мол, вы там, в КГБ, ничего не делали, все чего-то ожидали, не принимали никаких мер. Но ведь не КГБ должен был принимать меры, и не армия.

Жизнь на самом деле подвела страну к той черте, когда нужно менять лошадей, только нельзя было допустить, чтобы это произошло на переправе. Собственно говоря, если вглядываться в обстановку после окончания Второй мировой войны, приходишь к выводу, что против нас постоянно велось массированное наступление западных держав, мы же вели оборону весьма вяло и малоэффективно, совершенно не владея политическими средствами контрнаступления. Настоящая, серьезная политическая борьба нередко подменялась «радиоглушилкой», забивкой «вражеских голосов».

Как ни парадоксально это может звучать, но я убежден: в последние годы наша партия идеологической борьбой всерьез не занималась, хотя разговоров об этом велось много, даже слишком много. Мы занимались лишь мелким декларативным обличением врага, вместо того чтобы противопоставить ему свои успехи и достижения – а они у нас, несомненно, были.

Вот пример: американская пропаганда разворачивает кампанию по поводу нарушений прав человека в СССР. И, словно по команде, наши средства массовой информации начинают на все лады твердить, что права человека нарушаются не в Советском Союзе, а в США, при этом приводимые западными средствами информации факты нарушения у нас прав человека никак не опровергаются и попросту замалчиваются.

Не берусь судить, где эти права нарушались больше, не в этом дело. Если были у нас такие факты, следовало либо принимать соответствующие меры, либо разоблачать вымыслы враждебной пропаганды и выбивать это оружие из ее рук. Но руководство партии требовало лишь «усилить идеологическую работу», которая сводилась зачастую к описанию «чужовищного образа жизни в Америке», «их нравов», рассуждениям об угнетении негров в США, безработице, преступности, бездомности и т. п.

Согласно своим планам, американские спецслужбы, например, раздували проблему антисемитизма в СССР. И тут же у нас запускалась пропагандистская машина, чтобы доказать: подлинный антисемитизм бытует не у нас, а на Западе. Такая «защита» никак не способствовала утверждению несомненных преимуществ советского образа жизни, порождала неуверенность в правоте политики, проводимой государством.

А тем временем свои впечатления о «западном образе жизни» наши соотечественники (и среди них немалое число государственных чиновников) получали во время загранкомандировок, когда видели роскошные отели, магазины, полные товаров, и т. д. Сотни тысяч туристов, которым оставляли лишь два-три часа так называемого «свободного времени», бегали по магазинам, а потом расписывали родным и близким райскую жизнь за рубежом. Тысячи наших рабочих, строивших, к примеру, Асуанскую плотину или металлургический комбинат в Бхилаи, привозили домой личные автомашины. Можно представить, с какой завистью смотрел на «счастливиц» не уступавший им в квалификации монтажник с Братской или Нурекской ГЭС. Так рождался миф о всеобщем благоденствии при капитализме, и никакие «глушилки» тут не срабатывали.

Чтобы противостоять Западу в идеологической борьбе, нужны были другие средства. И совсем не требовалось их изобретать, следовало лишь перестраивать саму нашу жизнь. В основе любой политики лежит, как известно, экономика. Оправданные или искусственно созданные трудности в обеспечении материальной базы привели к застою и в политике. Зато появилось множество теоретиков, умевших приспособить высказывания классиков марксизма-ленинизма для оправдания и объяснения любого политического события, в том числе и негативно воспринимаемого народом. А это усиливало недоверие населения к официальной пропаганде.

Знали ли об этом в органах госбезопасности? Конечно, знали. И не раз предлагали конкретные меры противодействия враждебным нашему обществу акциям, меры не репрессивные, а политические, являющиеся прямой функцией партии. Однако партийное руководство эти советы попросту отмахивалось: не лезьте не в свое дело.

Серьезную попытку коренным образом изменить нашу внутреннюю политику предпринял, пожалуй, лишь Ю.В. Андропов.

Получая информацию о готовящихся против СССР акциях и сроках их реализации, а также о стратегических долгосрочных планах США по разрушению нашего строя, руководство органов госбезопасности предложило разработать научно обоснованный план контрмероприятий. К работе над ним предполагалось привлечь ученых из самых различных областей знаний: философов, политологов, экономистов, юристов, специалистов военного дела и психологов.

План предусматривал коренное изменение методов пропаганды, совершенно иное отношение к религии и инакомыслию, решительную борьбу с коррупцией, с националистическими тенденциями. И конечно, в первую очередь предусматривалось решение назревших экономических проблем. План этот был вовсе не фолиантом в золотом переплете, это были глубоко продуманные, тщательно подготовленные 5-м Управлением тезисы доклада Ю.В. Андропова на Политбюро, их реализация могла бы наметить пути к демократизации партии, демократизации всей жизни общества.

Доклад Ю.В. Андропова состоялся. Его предложения поддержали Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин, К.Т. Мазуров, А.Н. Шелепин, В.В. Щербицкий. Поддержал и М.А. Суслов, по-прежнему остававшийся, как это было и при Сталине, главным идеологом. Мероприятия, направленные не только на пресечение нарастающего вала «холодной войны», но и на активизацию наших наступательных действий, относились к области идеологической.

Не берусь судить, насколько серьезно рассматривали члены Политбюро предложения Ю.В. Андропова, насколько искренне поддержали, но, судя по всему, никаких ощутимых

результатов эти предложения не возымели. «Холодная война» не прекращалась, о ее опасности, как и до этого, продолжали без конца говорить, но дальше слов дело не пошло. Из рук в руки передавали в аппарате ЦК, казалось бы, ни у кого не вызывавшие сомнения разделы плана, которые требовали незамедлительного решения.

Прорыв в нашей обороне, а затем и полный разгром произошел на том участке «холодной войны», где наше оружие было неизмеримо мощнее и совершеннее, чем у противника, и произошло это только потому, что эффективное оружие не было пущено в ход, ибо те, у кого оно было в руках, сами изуродовали его и полностью вывели из строя.

Хочу сослаться на беседу советского и американского журналистов, опубликованную в журнале «Новый мир» двадцать лет назад.

Американец утверждал, якобы полное разоружение невозможно и никогда не будет осуществлено. «Если даже допустить условно, – сказал он, – что будет достигнута договоренность, капиталистический мир разоружится, а СССР нет».

Наш журналист попытался возразить, что разоружение будет вестись под контролем, но американец прервал его: «Не о том речь. Конечно, можно установить надежнейший контроль, и допускаю, что вы уничтожите все до последнего пистолета. Но идеи ваши останутся. А капиталистический мир окажется перед вами безоружным».

Судя по всему, он рассматривал наш путь развития в его чистом виде – как осуществление идей социальной справедливости, которые разделяли народы всех стран, но он не учел того обстоятельства, что в нашей стране из года в год, из десятилетия в десятилетие идеи социализма методически извращались.

Так или иначе, но от идеологической борьбы, от «холодной войны» партия в силу позиции лидеров полностью абстрагировалась, предоставив эту честь КГБ, вольно или невольно перенося сугубо идеологическую работу партии в сферу деятельности специальных служб. И КГБ действовал, казалось многим его руководителям, правильно, стремясь разгадать и разрушить замыслы противника, навязавшего нам «холодную войну».

Сейчас, когда читаешь мемуары нынешних «знатоков» деятельности органов госбезопасности или слушаешь их выступления, невольно приходишь к выводу, будто органы госбезопасности в описываемое время только тем и занимались, что выискивали, кого бы арестовать. Такой цели у нас не было. А вот противостоять напору зарубежных спецслужб мы были обязаны. Идеологическая борьба против нашего государства велась в очень широких масштабах. Достаточно привести одну цитату из заключения ЦРУ: «Нужна более агрессивная война идей, которая могла бы широко поставить антисоветскую пропаганду. Решающим фактором в нашем наступлении является усиленный поиск союзников в лагере социализма, “сил разложения”, способных вызвать серьезные осложнения в политической и экономической жизни СССР».

Диверсионная школа

ЕЩЕ В ГОДЫ МОЕЙ УЧЕБЫ в школе Смерш очень много внимания уделялось акциям иностранных спецслужб на территории нашей страны. Мы изучали методы и приемы шпионажа, специальное оснащение, систему наблюдения и контроля. Позднее мне пришлось столкнуться со всем этим на практике.

Расскажу об одной конкретной операции.

Из множества диверсантов или иных агентов спецслужб Запада, засланных в СССР с подрывными целями, не было ни одного, который действовал бы по идейным соображениям.

Их можно разделить в основном на две категории: одни, чаще всего люди обездоленные, шли на эту службу за большое вознаграждение, другие были просто обмануты.

Обычно провалившиеся диверсанты ведут себя по-разному: одни упорно отрицают свою вину, другие тут же во всем признаются, третьи начинают говорить под нажимом неопровержимых фактов, предъявленных следствием.

Диверсант по кличке Боб не только на первом же допросе признал свою вину, но, казалось, даже обрадовался представившейся возможности подробно рассказать обо всех своих злоключениях. Он поведал свою жизнь вплоть до интимных моментов, сообщил не только о событиях, акциях и мероприятиях, в которых участвовал, но (что было особенно ценно) раскрыл причины, побудившие его работать на американскую разведку.

Беседы с ним не походили на допросы для протокола, человек, что называется, изливал душу. Это была исповедь. Мы верили ему, ибо уже знали многое из того, что он рассказывал. Но вот психология, мотивировки его поступков представляли для нас несомненный интерес. Было важно понять, как и почему честный человек вступает иной раз на путь преступлений перед родиной, кто какими методами вербует этих людей. Кроме того, мы получили интересную информацию об американской диверсионной школе, которую окончил Боб. Мы не сомневались в искренности этого человека, он явно раскаивался и честно признался во всем, и Боб вовсе не рассчитывал на смягчение наказания. В дальнейшем он доказал это на деле.

На истории этого агента я считаю нужным остановиться подробнее.

В 50-е годы в местечке Тагернзее в 50 километрах от Мюнхена в большом двухэтажном особняке, стоявшем вдалеке от других зданий и когда-то принадлежавшем китайскому консулу в Германии Сун Фэю, находилась американская диверсионная школа. В доме все оставалось как при прежнем владельце: китайские ковры, мебель, фарфоровые вазы и статуэтки – официально она считалась частной школой, в которой преподают китайский язык. Естественно, вход для посторонних был закрыт, но если кто-нибудь туда и попал бы случайно, у него не возникло бы и тени сомнения в том, что там действительно занимаются изучением китайского языка.

Руководили школой и преподавали в ней специалисты своего дела, профессиональные разведчики. Среди них были и американцы, и русские.

В середине 1955 года восемь выпускников школы с интервалами в несколько дней были попарно заброшены в разные районы СССР с целью шпионажа и организации диверсий на важных промышленных объектах. Этих разведчиков хорошо подготовили. Нужно отдать должное организаторам акции: они предусмотрели все до мелочей, чтобы агенты не провалились. Одного предусмотреть не могли: в школе находился наш контрразведчик, и отнюдь не в роли рядового курсанта, так что нам стало заведомо известно, кто, где и когда будет к нам заброшен. Мы давали агентам возможность найти надежные тайники, спрятать там свое снаряжение, а потом задерживали.

Семеро выпускников этой школы оказались советскими солдатами, попавшими во время войны в плен. В послевоенные годы всем им пришлось владеть жалкое существование в Западной Германии, но домой они вернуться боялись – были убеждены, что их немедленно, чуть

ли не на границе, расстреляют. После нескольких допросов мы убедились, что четверо из них никакие не враги, а просто несчастные, измученные люди. Их выпустили на свободу, помогли устроиться на работу, получить жилье.

Четвертый – Петр Кудрин, по кличке Боб, привлек к себе особое внимание. Из родных мест он ушел еще мальчишкой, вслед за отступавшими немцами. На чужбине жизнь его была просто невыносимой: ни жилья, ни работы, лишь редкие случайные заработки. Вконец отчаявшись, Петр согласился пойти в американскую диверсионную школу.

Он дал нам исчерпывающие показания, подробно ответил на все вопросы, детально описал жизнь и быт курсантов, распорядок дня, расписание занятий, внешность преподавателей.

Итак, курсанты располагались на втором этаже по двое в комнате. На том же этаже жили русские инструкторы. Американские педагоги и начальник школы разместились на частных квартирах или снимали номера в гостинице.

За неделю до отправки первой пары Боба и Джека поселили вместе, для чего – они сами еще не знали.

В то утро, апреля 1955 года, курсанты поднялись по сигналу в 6.30. Через семь минут, согласно распорядку, уже стояли в строю на спортивной площадке. От 7 до 7.30 заправляли койки, брились, умывались. В 7.38, как и положено, каждый занял свое место в большом зале первого этажа, где их ждал завтрак. А в 8.00 – занятия.

Первый урок – тайнопись. Ее преподавал веселый капитан Уолдер по кличке Володя. На этом занятии он объяснил новый способ, которым можно воспользоваться, если под руками не окажется апельсинового, лимонного или какого-нибудь другого цитрусового сока и не будет возможности применить ни один из уже известных способов тайнописи. Он показал, как можно написать между строк любого текста донесение, пользуясь простейшим способом: выдавить и развести в воде несколько капель крови, этим раствором написать донесение, а затем поддержать бумажный лист над паром. Потом текст можно «проявить», пользуясь специальным составом.

– Как видите, самый простой и легкий способ тайнописи, – сказал он. – Удобен прежде всего потому, что доступен в любых условиях, кроме воды и нескольких капель крови, ничего больше не требуется. Однако пользоваться им можно только в крайних случаях, по анализу следов крови на бумаге можно разыскать автора текста. Как расшифровывать подобные письма, я объясню на следующем занятии.

Однако для Боба учеба уже закончилась: после завтрака его вызвали к начальнику школы Борису Мартино. Этого хромого и лысого мужчину Боб знал еще по Марокко, а затем по подготовительной школе в Бад-Хомбурге. Эта школа была всего лишь отборочной. В течение трех месяцев здесь изучали курсантов: их настроения, образ мыслей, проводили медицинское обследование. Из одиннадцати человек, вместе с которыми туда попал и Боб, для школы в Тагернзее отобрали только троих.

Итак, Боб явился к Мартино, в кабинете которого уже находился Джек. Начальник объявил о том, что им выпала большая честь лететь первыми, и поздравил с началом работы. Затем их направили к инструктору, который должен сообщить каждому его «легенду» и дать последние указания.

Об этой неделе, оставшейся до полета, Боб рассказывал подробно, то и дело вспоминая какую-нибудь новую деталь. Он знал, к чему их готовили здесь девять месяцев, но все-таки очень смутно представлял себе будущее, хотя давно ждал рокового дня. Впрочем, его мало волновала собственная судьба.

Все эти девять месяцев Бобу приходилось выдерживать колоссальные нагрузки. Пять дней в неделю – непрерывная муштра. Один только Игорь Сергеевич, инструктор, обучавший парашютному делу, стрельбе, приемам нападения и защиты, гонял курсантов так, что к концу дня они валились с ног. Особенно тяжело стало, когда начались ночные прыжки. А кроме всего

этого, занятия по теории и практике радиодола и еще уйма других предметов: история СССР, система путей сообщения, структура и методы работы органов МВД и КГБ, структура и уставы Советской армии, шифры и тайнопись, обработка донесений агентов, практические занятия по изготовлению документов, листовок и клише, тренировка зрительной памяти.

Игорем Сергеевичем его называли курсанты, коллеги же по работе звали Холидэем, Биллом или Кэпом.

В действительности же это был капитан Холидэй, один из опытных американских разведчиков.

Курсанты почти ничего о нем не знали. Впрочем, однажды в доверительной беседе Холидэй как-то обмолвился: «Русский я изучал во Франции, в американской разведывательной школе». А в другой раз, вспоминая о каком-то событии, он бросил: «Это было еще во время войны, когда я работал офицером связи между американскими и русскими войсками».

Возможно, он вовсе не проговорился, а «выдал» это намеренно: пусть знают, что он не вчера начал учить русских своему ремеслу и прошел основательную школу разведки.

Боб безгранично верил Холидэю. Поначалу капитан не утруждал курсантов длинными беседами, больше старался обучать их на собственном примере. Готовя подопечных к прыжкам с парашютом, он решил: пусть сначала посмотрят, как прыгает сам, и приказал курсантам ни на шаг не отходить с того места, куда он их поставил. А поставил он их в круг и велел взяться за руки. Холидэй прыгал с большой высоты, вытворял в воздухе бог знает что, а потом приземлился точно в центре круга.

– Я научу вас прыгать точно так же! – пообещал он.

Во время тренировок, как бы между прочим, капитан бросал фразы, которые должны были убедить их, какая могучая страна Америка – только она и способна помочь России освободиться от советской власти.

То же самое внушалось им на уроках истории СССР. Преподаватель Лев Львович старался доказать, что к поражению Германии Советская армия имеет лишь косвенные отношения. Он предлагал им вспомнить, как они попали в плен, как русские войска бежали от немцев. И так продолжалось до тех пор, пока союзники русских, главным образом американцы, не поняли, что Советский Союз не имеет ни современного оружия, ни боеспособной армии. Наиболее талантливые полководцы вроде Власова поняли это и перешли к немцам.

Бобу и в самом деле памятно было отступление советских войск, и почти до самого конца войны он слышал по германскому радио, как великолепно сражается немецкая армия, как она нещадно громит русских. Но помнил он и другое: как бежали немцы, бросая оружие и технику. Однажды он задал неосторожный вопрос преподавателю:

– А как же русские дошли до Берлина, если у них не было ни армии, ни оружия?

– Благодаря решительным действиям американцев и той помощи, которую они оказывали русским, – молниеносно парировал удар Лев Львович, но вопрос курсанта ему явно не понравился.

Удивительной изобретательностью отличался инструктор Макс, который обучал их подделке документов. Он был предельно осторожен и учитывал каждую мелочь. Например, на Западе документы обычно сшиваются нержавеющей стальной проволокой, а в России нержавейку ввели совсем недавно, поэтому на помеченных старыми датами паспортах, которые им выдадут, когда они отправятся на задание, скрепки из простой железной проволоки, и через некоторое время на сгибе паспортов появится желтая полоска ржавчины. Макс показал им несколько способов, как пить спиртное, не хмелея.

Но подлинным асом американской разведки был в глазах курсантов капитан Холидэй. Боб верил каждому его слову и многому научился. А в предотъездные дни им вообще овладело состояние какой-то слепой подчиненности.

В десять утра в их комнату вошел Холидэй, как всегда, подтянутый и аккуратный.

– Ну все, поехали!

Они молча поднялись и двинулись следом за ним.

Капитан знал о своих курсантах все, детально изучил биографию каждого. По его указанию инструктор назвал Бобу и Джеку их новые русские фамилии, велел хорошенько запомнить, а потом выдал документы, с которыми они должны отправиться на задание. Им приказали внимательно изучить документы и поносить в карманах, чтобы не выглядели слишком новенькими.

Боб получил паспорт на имя Андрея Павловича Васильева. В трудовой книжке и в справке из мест заключения было написано, что он освобожден по амнистии. Имелось еще и другое удостоверение – сотрудника КГБ Васильева, заполненное другим почерком. Эти документы они должны были предъявлять только в крайних случаях, если, скажем, в силу какого-нибудь недоразумения их задержит милиция, при этом нужно сказать очень доверительным тоном, что выполняется специальное секретное задание.

На следующий день Боба и Джека отвезли в Мюнхен, где обоих переодели в советскую поношенную одежду и стали готовить к полету.

На аэродром приехали ночью. Машина остановилась на взлетной полосе у трапа четырехмоторного бомбардировщика с американскими опознавательными знаками. Первым поднялся Холидэй, за ним Боб и Джек, а позади лейтенант Тонни, отвечавший за радиоаппаратуру.

Это была последняя тренировка. Самолет набрал высоту, они еще раз проверили снаряжение, надели парашюты, подвесили на грудь брезентовые тюки по пятьдесят килограммов весом. В них находилось по четыре резиновых мешка, в которых было уложено все необходимое: радиоаппаратура, советские деньги, золотые монеты, оружие, саперные лопатки и т. д.

Они уже не раз прыгали с таким снаряжением на полигоне под Мюнхеном. Парашют раскрывался автоматически, перед приземлением следовало нажать рычажок на поясе, пряжка расстегивалась, и так привязанный к стропам капроновой веревкой падал на землю, после чего парашют, частично освободившийся от тяжести, более плавно опускался на землю. Проверка прошла успешно.

На следующий день их посадили в самолет и перевезли, как потом выяснилось, в Грецию. Именно с этого аэродрома в Салониках и предстояло вылететь на задание.

Прошло еще трое суток, и наконец они отправились на аэродром, где их ждал американский четырехмоторный бомбардировщик без опознавательных знаков. Экипаж на этот раз был совсем другой – немецкий, все легчики в штатском.

Когда разместились в самолете, Холидэй отыскал надрез на внутренней стороне воротничка рубашки Боба и затолкал туда маленькую плоскую ампулу.

– Знаю, что не потребуется, – сказал он, – но так будет спокойнее. Если ошибешься или смалодушничает, сам знаешь – легкой смерти от них не жди. Извлекать ампулу не надо, просто следует надкусить, яд действует мгновенно. Ты даже ничего не почувствуешь: будто провалишься в сон, вот и все!

Боб молча слушал. Он уже знал про все это и только подумал: «Интересно, почему Холидэй решил дать мне ампулу, а Джеку приклеил возле ремешка часов коричневую “родинку”...»

Самолет шел на высоте трехсот метров в кромешной темноте под проливным дождем. Так вот почему их три дня держали в Салониках – ждали «летней погоды», когда пойдет дождь на месте приземления.

Как только бомбардировщик с двумя выпускниками диверсионной школы на борту пересек воздушную границу СССР, он попал в поле зрения пограничной службы. Пограничники были предупреждены о том, что должен появиться самолет. Несколько зенитных установок, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, взяли бомбардировщик на прицел. Ждали команды.

Развернувшись, самолет лег на обратный курс, а команды так и не последовало. Зенитчики следили за бомбардировщиком до тех пор, пока он не ушел за пределы советской воздушной зоны. Что произошло, они не знали. Командование получило из центра указание проследить за самолетом, точно засечь место, где он развернется, чтобы лететь обратно. В этом районе, очевидно, и нужно искать диверсантов. Те же, кто послал самолет, пусть думают, что он ушел незамеченным и успешно выполнил задание.

Отыскать парашютистов оказалось нетрудно, они даже не успели спрятать свое снаряжение в тайники. Легко взяли и остальные три пары.

Выслушав Боба, как уже было сказано, мы поверили ему и предложили помогать нам. Он сразу же согласился.

По заданию своих хозяев он должен был обосноваться недалеко от Москвы. Поэтому устроили его в Клину на завод по производству термометров, близ которого находился военный аэродром. Боб написал первое донесение и в условленный час и день вышел на связь с центром. Наш сотрудник ознакомился с текстом донесения. Агент сообщал, что благополучно прибыл, обосновался в Клину и о дальнейшем будет сообщать регулярно.

Боб передал нам двадцать шесть условных сигналов, по которым в центре могли определить, не работает ли он под контролем. Например, на вопрос: «Слушаете ли вы “Голос Америки”?» – радист должен был ответить: «Слушаю голос кита». Любой другой ответ означал бы, что передачу контролируют.

Мы верили, что Петр не обманывает, однако сомневались, полностью ли доверяют ему хозяева. А вдруг догадаются, что он ведет тонкую игру. Поэтому решили кое-чем пожертвовать.

На верхушке дерева в лесу, с которого диверсант должен был вести передачи, оборудовали ему «рабочее место», откуда хорошо просматривался аэродром. Несколько дней Боб вел наблюдения, записывая все, что видел, и регулярно выходил на связь. Благодаря этим сведениям его хозяева могли определить, что представляет собой аэродром, сколько там базируется самолетов, их типы.

Через некоторое время наш контрразведчик «продал» в Берлине американской разведке вместе с другими «секретными данными» сведения о военном аэродроме в Клину. Они почти полностью совпадали с тем, что было сообщено Бобом. Мы знали, что обе информации попадут в одни руки, значит, не останется сомнений в правдивости сообщений агента.

Полтора года радист вел игру, и она принесла нам немалую пользу. По вопросам центра точно установили, что именно интересует противника и многое другое.

Петр Кудрин и сегодня жив. Женился, у него взрослая дочь. Он живет теперь в другом городе, вышел на пенсию, но, кажется, продолжает работать. Неплохо сложилась судьба и трех других агентов этой группы, которых контрразведка не стала привлекать к ответственности.

Ну а вторая четверка? Эти вели себя не столь откровенно. Потребовалась длительная кропотливая работа, и дела на них передали следователям по особо важным делам. Решение Особого Совещания было однозначным. Так погибло трое людей с тяжелой судьбой. Только один из этой четверки, агент по фамилии Лахно, оказался исключением. На этом человеке было немало крови советских военнопленных, находившихся в гитлеровских лагерях, он верой и правдой служил фашистам.

Недавно шла телепередача, где выступали члены Народно-трудового союза (НТО) и, в частности, дочь Лахно. Они сообщили, что всю засланную к нам восьмерку расстреляли. По их словам, это были убежденные идейные борцы, истинные патриоты и герои, героически погибшие в застенках Лубянки.

Какие же это идейные борцы? Лахно, предававший советских военнопленных, даже в Мюнхене, перед самой отправкой в СССР, потребовал, чтобы ему разрешили взять с собой

автомат. Ему сказали: «Если будете настаивать на этой безумной идее, мы отстраним вас от задания».

Как уже упоминалось, в систему вражеской агентуры попадают очень разные по убеждениям и по психологическому складу люди.

Горько и больно сознавать, что в силу разных обстоятельств – и чаще всего не по своей воле – за рубежом оказались наши соотечественники, среди которых немало достойных, честных и талантливых людей. К счастью, ныне по справедливости оцениваются их поступки, воздается должное их мужеству. Однако зачастую чуть ли не наравне с ними оказывались и такие, как Лахно. К сожалению, нередко всех стригли под одну гребенку. Уже сам факт, что человек во время войны оказался в плену или на оккупированной гитлеровцами территории, считался преступлением, за которое виновный должен понести суровое наказание. Как и почему он попал в плен, тщательно не изучалось, точно так же, как далеко не всегда учитывались те обстоятельства, которые заставили людей уже в послевоенные годы работать на иностранную разведку. А это не такой простой вопрос.

Очевидно, стоит здесь сказать о роли Народно-трудового союза.

Эта организация в послевоенные годы продолжала оставаться одной из самых активных. Опиралась она на выходцев из Советского Союза, главным образом на так называемых «перемещенных лиц», т. е. на граждан, волею злой судьбы оказавшихся после войны за пределами Родины. НТС охотно принимал в свои ряды и тех, кто оставался за рубежом во время заграничных командировок, туристических путешествий или поездок для свидания с родственниками.

НТС стал наследником основанного в 1932 году НТСНП (Национально-трудового союза нового поколения). Это было молодежное крыло белогвардейской военной организации, созданной в эмиграции офицерским корпусом Белой армии после Гражданской войны. Он именовался РОВСом (Российский общевоинский союз).

С момента образования НТСНП (а затем НТО) был непримирим к советскому строю. В отличие от многих эмигрантов, которые в годы Второй мировой войны, несмотря на непризнание советского строя, поддерживали СССР в борьбе с фашизмом, члены НТС вслед за немцами появились на оккупированной территории. На Смоленщине ими были установлены две портативные радиостанции, которые вещали – якобы из Сибири – от имени «восставшего населения». НТС создавал свои ячейки в зоне оккупации.

После войны к нам стали регулярно засылать эмиссаров НТС. В восьмерке, о которой идет речь в настоящей главе, все были членами этой организации. Подрывная работа энтээсовцев особого вреда не причиняла: о том, что делалось в организации, мы знали досконально, ибо ее члены без долгих размышлений «продавали» нам любые сведения. Ведь агентов, обманутых и завербованных в НТС, советская контрразведка выявляла достаточно быстро. Вот еще один характерный случай.

В годы революции семья Соколовых бежала за рубеж. Сам Соколов, офицер Белой армии, обосновался в Германии, а сестра его оказалась в Колумбии. В шестидесятых годах ее сын, Броз-Соколов, учился во Франции, где был завербован в НТС. И сам он, и его дядя, которому разрешили несколько свиданий с племянником в Лефортовской тюрьме, после окончания следствия подробно рассказали на суде, как безжалостно обманули этого парня. Молодой человек просто захотел побывать на родине, которую он никогда не видел, а тут вдруг подвернулся счастливый случай – бесплатная поездка за одну небольшую услугу: он должен был надеть на голое тело широкий пояс, где якобы спрятаны письмо и фамильные драгоценности, которые невозможно переслать по почте. Ему было велено по приезде в Москву позвонить по определенному телефону, а затем поехать к агенту домой и передать пояс. Единственное условие – он не должен снимать пояс до того момента, как передаст его указанному лицу. После этого может пять дней беспрепятственно разгуливать по Москве.

Те, кто посылал парня, не сомневались в успехе. Агент в Москве надежный – скромный инженер, человек вне подозрений, он знает, как дальше поступить с поясом.

Заняв номер в одной из гостиниц, Броз-Соколов тут же позвонил по телефону.

– Слушаю, – раздался мужской голос.

– Можно инженера Х.?

– А кто его спрашивает?

– Я приезжий из Прибалтики.

Это был пароль.

– Минуточку.

Связному, конечно, и в голову не приходило, что он разговаривает с нашим сотрудником, который находился в здании МГБ.

Потом трубку взял другой сотрудник. Он предложил молодому человеку встретиться где-нибудь на улице.

– Нет, на улице нельзя. Назначьте время, я сам приеду к вам домой.

– Это невозможно, в квартире ремонт, рабочие не уйдут до поздней ночи.

– Так, может быть, вы приедете ко мне в гостиницу?

Он назвал гостиницу и номер комнаты.

– Извините, я сегодня не могу. Давайте встретимся завтра.

Установив наблюдение за связным, мы три дня под различными предлогами откладывали встречу. Необходимо было убедиться, что он ни с кем не встречается и никуда не звонит. Наконец, ему назначили свидание у входа в парк Сокольники. Поначалу он не соглашался.

– Мне надо кое-что передать вам.

– Это не проблема. Там достаточно укромных мест.

Несчастному парню стало совсем невмоготу, он измучился с этим проклятым поясом, который не снимал ни днем, ни ночью. В конце концов, он согласился встретиться.

Оперативный работник и связной сообщили друг другу свои приметы, после чего двое наших работников отправились в парк. Их сопровождал оператор, который должен был скрытой камерой снять и саму встречу, и весь путь до «укромного уголка», а главное, не упустить момент передачи пояса.

В поясе оказались микропленки с текстами листовок, инструкций по созданию групп НТС, а также значительная сумма денег в рублях и долларах.

Откровенно говоря, не очень хотелось доводить дело Соколова до суда. Но суд ограничился минимальным наказанием. Вскоре Соколов был выслан из страны.

Перед отъездом он сказал:

– Привезу маме горсть родной земли, она очень рада будет!

Без особого труда нами был взят с поличным и агент НТС – англичанин Брук.

Когда-то НТС состоял на содержании английских и частично американских спецслужб, которые дали этой организации кодовое название «Шрапнель» (Shrapnel). Однако потом англичане одумались.

Как-то органы безопасности перехватили письмо.

Глава английской резидентуры в ФРГ писал своему коллеге во Франкфурт-на-Майне, где находилась штаб-квартира НТС: «Мы не поддерживаем, повторяю, не поддерживаем “Шрапнель” в качестве политической организации. Наш интерес к ней чисто профессиональный: использовать разведывательные и контрразведывательные возможности этой организации, чтобы заполучить побольше “невозвращенцев”. За последние 6 месяцев мы, помимо американцев, вкладывали в “Шрапнель” ежемесячно в среднем до 13 тысяч немецких марок и за эти деньги не получили практически никаких разведывательных данных.

“Шрапнель” требует, чтобы мы не обращались с членами этой организации, как с обыкновенными шпионами. Но нет никаких оснований платить им только потому, что они о себе

так много мнят. Они могут получить от нас деньги лишь за разведывательные сведения – и только».

ЦРУ не разделяло этой позиции, оно считало, что агентам надо платить за любую анти-советскую акцию, какой бы она ни была: пропагандистской, провокационной, шпионской или любой другой, лишь бы она была направлена против СССР.

Об этой организации писалось немало. Но наиболее убедительные свидетельства опубликовали бывшие активные деятели НТС Дивнич, Брунст, Черезов, Дорда и др.

Там приводятся секретные протоколы совместных заседаний английской и американской разведок, из которых видно, что с определенного момента англичане прекратили финансирование НТС и его содержание полностью взяли на себя США. Так эту организацию, точно какой-то инвентарь, одна разведка передала другой, руководству НТС было лишь объявлено о смене хозяина.

В настоящее время члены НТС, появившиеся у нас в стране, объявили себя идейными борцами не только против советской власти, но и против фашизма.

Провокация на ЭКСПО в Брюсселе

В СВЯЗИ С УПОМЯНУТЫМ ПИСЬМОМ английского разведчика, свидетельствующим о том, насколько заинтересованы были западные спецслужбы в наших «невозвращенцах», мне вспоминается один эпизод, относящийся к 1958 году.

В то время западные спецслужбы вели постоянную охоту за советскими людьми, выезжавшими за границу. Был даже специальный план ЦРУ, где давались рекомендации, как склонять наших граждан остаться за рубежом. Этим акциям придавался большой смысл: спецслужбы и центры психологической войны знали, как болезненно воспринимаются у нас случаи, когда граждане СССР не возвращаются на Родину. Удар был рассчитан точно: после таких эпизодов страдали сотрудники КГБ и их руководители, их обвиняли в том, что они плохо надзирали за людьми, выезжавшими за границу. За любого заблудшего матроса или буфетчицу, оставшихся в иностранном порту, спрос был строгий. Отдел, отвечавший за зарубежные поездки, безжалостно «трясли», после чего, естественно, начиналась перестраховка: необоснованные запреты на выезд, недоверие к собственным гражданам. Страдали и работники ЦК КПСС из комиссии по выездам.

Убежден, подобная реакция служила катализатором и только усугубляла ситуации, в результате которых соотечественники оставались за границей. А западные спецслужбы тут же превращали их в некие политические фигуры.

Позднее, чтобы обезопасить себя, комиссия, выдававшая разрешения на поездки за границу по частным делам (существовала такая в системе КГБ), обходя инструкции, оговаривала: если данное лицо останется за границей, наши сотрудники, разрешившие выезд, ответственности за это не несут.

Я всегда считал, что руководитель любого ранга должен непосредственно участвовать в конкретной оперативной работе. Это нужно и для него самого – чтобы знать, в какой обстановке работают подчиненные, – и для тех, кем он руководит. Сотрудники будут уважать тебя и считаться с твоим мнением только тогда, когда оценят профессиональную компетентность. Поэтому я никогда не избегал так называемой «черновой» работы, напротив, постоянно старался выкроить для нее время. Чем ждать доклада с мест, лучше самому непосредственно быть в курсе событий. Кстати, ждать донесений, сидя в кабинете, ничуть не легче, чем участвовать в операции. Впрочем, желающих получить информацию, чтобы поскорее доложить «наверх», хватало с избытком.

Мне хотелось на себе испытать те методы, с помощью которых обрабатывают советских граждан, убеждая остаться за рубежом.

В качестве заместителя директора круиза я был направлен на теплоходе «Грузия» на Всемирную выставку в Брюсселе. Задача состояла не только в том, чтобы препятствовать попыткам склонить наших граждан к невозвращению на родину, но и в проведении конкретных оперативных мероприятий контрразведывательного характера.

Теплоход прибыл в Антверпен, и у пассажиров, соответственно программе, началась туристическая жизнь. У меня же и моих коллег была своя программа. Уже в первый день представитель резидентуры в Бельгии предупредил, что НТС готовится к обработке туристов. Обсуждается даже возможность вывоза одного из них за пределы Бельгии. Можно себе вообразить, сколько тревоги доставило это сообщение. Вскоре все подтвердилось: в первый же день кое-кому из советских туристов предложили остаться в Бельгии, хотя они были предупреждены и старались держаться группами.

Мы взвесили все и решили, что на следующий день несколько человек отправятся бродить по выставке поодиночке, я тоже решил походить по павильонам. Хотелось проверить все на себе, если, конечно, меня надумают вербовать. Однако за весь день никто не подошел. Вече-

ром везло больше – их начали «обрабатывать». Эти двое решили подать вербовщикам надежду: договорились о встрече на следующий день.

Однако на свидание отправился только один – пусть думают, будто второй струсил. Еще несколько человек стали разгуливать повсюду в одиночестве.

Пошел дождь, я переждал его под навесом какого-то павильона, как вдруг услышал русскую речь. Хорошо одетый господин средних лет обратился ко мне:

– Вы советский? Вот хорошо! А я журналист из Парижа, приехал с коллегой на выставку. – Он кивнул на стоящего рядом молодого человека.

Завязалась беседа. Поначалу разговор шел совершенно невинный: как нравится выставка, что произвело наибольшее впечатление. Постепенно и, надо сказать, умело «журналист» перевел беседу в другое русло. «Советский павильон, конечно, очень интересен, но мы ведь с вами знаем, и СССР, и другие страны обычно привозят на выставку экспонаты и товары, изготовленные специально для такого случая, в самой стране их нет». Я промолчал. Потом мой собеседник заговорил о трудностях жизни, и особенно – в Советском Союзе.

Дождь кончился, и мы ушли из-под навеса. Гуляли по выставке часа два, «журналист», незаметно приближаясь к своей цели, заговорил о режиме в нашей стране. Мои возражения не стал оспаривать, видимо, боялся перегнуть палку и спугнуть «добычу».

Наконец, я сказал, что мне пора возвращаться, и стал прощаться, заметив как бы между прочим, что, если нас увидят вместе, ничего хорошего это мне не сулит. «Журналист» понимающе закивал головой, сказал, что ему было очень интересно со мной побеседовать, и предложил встретиться на следующий день в 17 часов у фонтана. Он покажет мне «веселую» Бельгию. Я согласился. Именно в 17 часов уходил последний автобус, доставлявший наших туристов с выставки на причал. Таким образом, я на него не попаду. План собеседника не вызывал сомнений.

Утром директор круиза предложил мне поездку по стране на автомобиле туристической фирмы «Дженерал кар», принимавшей советских туристов. Поехали вдвоем: директор Касинов, его заместитель и я. Шофер – бельгиец.

Поездка была чудесная, Брюгге, Гент, Остенде, древние города, и каждый со своим шармом и атмосферой – старая добрая Бельгия, изумительная средневековая архитектура. Смотрю по сторонам, а в голове неотступно: «В 17 часов у фонтана».

Мы уже возвращались, и до Брюсселя оставалось не более 40 километров, когда из-за каких-то неполадок машина встала. 15 часов. Мимо нас и навстречу мчатся автомобили, но ни один не остановился. Наконец, к нам подъехала полицейская машина. Страж порядка спросил обо всем шофера и пообещал прислать техпомощь. Но время шло, а ее все не было. Мои спутники забеспокоились: успеем ли явиться на судно без опоздания.

Я успокоил:

– Не волнуйтесь, все будет в полном порядке, к пяти часам вечера мне надо быть на выставке, и я прибуду туда вовремя. Езды осталось не более двадцати минут. Думаю, не позднее, чем без двадцати пять, мы двинемся в путь.

Я был убежден: вчерашний разговор дал вербовщикам надежду на то, что я захочу остаться в Бельгии, и уж они такую «добычу» не упустят.

Расчет был точный: без двадцати пять возле нас притормозила машина, водитель подошел к нам и объяснил, что его послали забрать нас и подвезти на выставку. Техпомощь прибудет позже.

Действовал ли НТС заодно с фирмой, принимавшей нас, не знаю, но в условленное время мы и в самом деле были на выставке. Я попросил спутников подождать несколько минут и направился к фонтану. Мои знакомцы радостно встретили меня.

– Господин Невский, – сказал я (а это был он, один из активных деятелей НТС, как нам удалось накануне установить по имевшейся в резидентуре фотографии), – мне уже совсем не хочется в «веселую» Бельгию, но я хотел бы поблагодарить вас за любезность.

Невский застыл на месте от изумления – он ведь не называл своей фамилии! В полной растерянности стоял и его молодой спутник.

Конечно, склонение советских граждан к невозвращению на Родину было лишь одной из целей НТС. Основным содержанием их деятельности являлось проникновение на территорию страны, поиск сообщников непосредственно в советской среде. Это обстоятельство в первую очередь требовало внимания к НТС со стороны контрразведки, в том числе 5-го Управления. Проводя оперативные мероприятия совместно с внешней разведкой, мы стремились выявить лиц, сотрудничающих с НТС, их участие в подрывных акциях.

И надо сказать, делали это небезуспешно. Например, в 70-е годы мы знали почти всех адресатов, к которым шли зашифрованные радиопередачи, были готовы к приему засылавшихся эмиссаров.

Сейчас, когда НТС получил право иметь свои организации на территории России, убеждаюсь в безошибочности наших наблюдений и выводов. Практически все, кто признал ныне свою давнюю связь с НТС, были известны нам и находились под наблюдением. Немногие из них привлекались к уголовной ответственности, так как их принадлежность к НТС не выражалась в действиях, а лишь ограничивалась признанием программы «солидаризма».

Семья, война, память

Старшина Филипп Бобков. Второй Прибалтийский фронт. 1945 г.

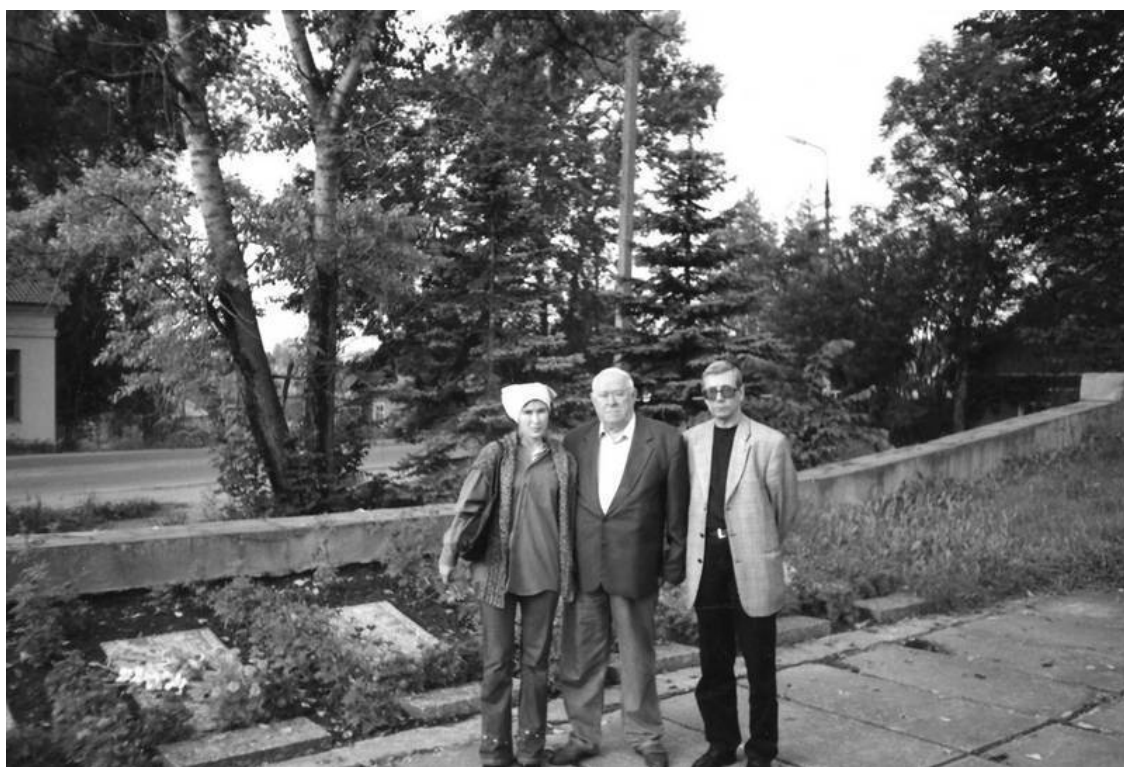
В День Победы

Восемнадцатилетний Филипп Бобков со своим отцом Денисом Никодимовичем Бобковым. 14 мая 1944 г., район Новоржева

Последняя фотография с отцом. Второй Прибалтийский фронт, май 1944 г., Псковская область. Слева направо: Филипп Бобков, Одинцов, Денис Никодимович Бобков (через несколько дней он погибнет, сраженный осколком авиабомбы, и случится это на глазах сына); Коржавин, Лопаткин

Филипп Денисович Бобков у могилы своего отца Дениса Никодимовича Бобкова, погибшего в мае 1944 г. под Новоржевом, с сыном Алексеем (вверху), с внучкой Дарьей (внизу)

Вместе с супругой Людмилой Сергеевной

Филипп Денисович Бобков, его внучка Дарья, помощник-референт В. С. Глаголев у памятника воинам, павшим в боях за Родину: город Белый Тверской области, который освобождали части 150-й стрелковой дивизии добровольцев-сибиряков, в составе которой воевал Ф. Д. Бобков

С родным дядей Кузьмой Никодимовичем Бобковым, Героем Социалистического труда, директором совхоза «Тимирязевский» (Донецкая область, начало 1970-х гг.)

С юными следопытами из города Ленинск-Кузнецкий, изучающими боевой путь дивизии, в составе которой воевал Ф. Д. Бобков: Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР В. Севастьянов (слева), в центре – Ф. Д. Бобков, справа – Герой Советского Союза, летчик А. Маресьев

Ф. Д. Бобков с ветеранами Великой Отечественной войны (май 1991 г.). Третий слева – Народный артист СССР, композитор Н. В. Богословский, автор широко известной песни «Темная ночь»

Выступление Ф. Д. Бобкова перед юнармейцами (г. Сергиев-Посад, 2004 г.)

У могилы А. С. Пушкина (Михайловское, август 2002 г.)

Пасхальная неделя (г. Сергиев Посад, 2004 г.): День освящения «Царя колокола». Справа от Ф. Д. Бобкова Герой Советского Союза Г. Н. Зайцев, в свое время руководитель спецподразделения «А» («Альфа») КГБ СССР

Игра в пустые ворота

НА ЗАПАДЕ СУЩЕСТВОВАЛО немало центров, организаций, фондов различных направлений, которые вели подрывную работу против Советского Союза, рассчитанную на дестабилизацию обстановки, на компрометацию партии и советского руководства. Их деятельность координировали и направляли специальные службы. Они именовались подразделениями «психологической войны».

При штабе НАТО, например, действовало специальное подразделение, осуществлявшее «психологические операции». Важная роль в проведении подрывной пропаганды принадлежала Информационному агентству США (ЮСИА).

Антисоветские организации националистического характера, группирования, возникшие в эмигрантской среде, такие как «Союз борьбы с коммунизмом», названный уже НТС, сплачивались вокруг «Комитета радио “Свобода” и “Свободная Европа”», в системе которых действовали редакции, созданные по территориально-национальному принципу (украинская, узбекская, белорусская и т. д.). Все они финансировались и работали под контролем американских спецслужб, сотрудники которых имели официальные должности в их структурах.

Специалисты «психологической войны» использовали любые возможности для создания конфликтных ситуаций на территории СССР, поддерживали любые силы, способные так или иначе обострить обстановку. Они пользовались дезинформацией, основанной на вымыслах, беззастенчивом искажении фактов, лишь бы вызвать недоверие к советской действительности.

Организаторами подобных акций нередко выступали сотрудники посольства США в Москве. Их не раз разоблачали, когда они пытались из-за кулис дирижировать выступлениями различного рода борцов против советской власти или стремились создать так называемые «очаги сопротивления». Речь идет не о разведчиках, которые занимались сбором информации, я говорю о тех, кто готовил идеологические диверсии, кто старательно раздувал огонь «холодной войны».

Вот на первый взгляд не столь уж значительный пример, но он типичен, ибо наглядно показывает, как наши противники использовали малейшие возможности, чтобы спровоцировать конфликты.

В 1960 году в Москве открылся Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. С первых дней он стал объектом пристального внимания политического отдела посольства США. Сотруднику посольства Гарнету было специально поручено заниматься студентами университета, он получил конкретное задание: сеять междоусобицу между отдельными национальными группами студентов, вызывать недоверие к преподавателям, скомпрометировать саму идею обучения иностранных студентов в Советском Союзе.

Особое внимание Гарнет уделял студентам из Африки. В результате его подстрекательства возникло несколько конфликтов африканских студентов с администрацией университета, поводом к которым служили явно инспирированные основания. Многим студентам предлагали уехать на учебу в западные страны, чаще всего в ФРГ. Более того, Гарнет пытался организовать массовый отъезд африканцев из СССР. Когда деятельность этого дипломата приобрела откровенно противоправный характер и мы получили неопровержимые тому доказательства, было решено провести встречу сотрудников КГБ со студентами университета, на которой придать гласности намерения американца. Как и ожидали, действия Гарнета вызвали крайнее возмущение. После встречи в университете обстановка стала намного спокойнее, а Гарнету пришлось покинуть страну.

Сошлюсь еще на один пример.

В 1987 году в Москву приехала большая группа крымских татар, требовавших вернуть их на постоянное жительство в Крым. Проблема была непростая, и решить ее в несколько дней

невозможно – любое стремление найти компромисс наталкивалось на упорное сопротивление татарских лидеров. Вскоре мы убедились, что за спиной у них стоят сотрудники политического отдела посольства США, которые неизменно поддерживали экстремистски настроенных татарских активистов, не желавших слушать никаких доводов, всячески поощряли их действия и, по существу, инспирировали конфликты с властями. Когда мы получили веские доказательства, эти факты были преданы гласности. Это оздоровило обстановку среди прибывших в Москву крымских татар. Они не хотели постороннего вмешательства в решение их судьбы.

В 70-е и особенно в 80-е годы центры «психологической войны» сделали ставку на так называемое «правозащитное движение». Это отчетливо проявилось после совещания по вопросам разоружения и безопасности в Европе, которое состоялось в Хельсинки в 1976 году.

Инициатива проведения совещания принадлежала Советскому Союзу и его союзникам по Варшавскому пакту. Вначале ее поддерживали далеко не все страны Европы. Отрицательно отнеслась к идее даже Великобритания. Тем не менее благородные цели не могли не воздействовать на умы политиков, на их авторитет, и совещание состоялось.

Достижение договоренностей о сокращении ядерных и обычных вооружений, и прежде всего военных потенциалов США и СССР, стало событием огромного значения, так же как и договоренность о нерушимости границ в Европе. Однако свое участие в совещании западные государства компенсировали условиями, заложенными в так называемой «третьей корзине». Это раздел соглашений по правам человека (свобода слова, свобода печати, свобода передвижений и т. д.).

Советская сторона весьма неохотно пошла на принятие данного раздела. И не потому, что хотела скрыть имевшиеся в этой области нарушения, а поскольку была очевидна основная его направленность – создать на территории СССР условия для проведения так называемых «психологических операций». Немотивированный отказ от явно провокационной «третьей корзины» грозил срывом всех договоренностей, в поисках выхода из создавшегося тупика советское руководство вынуждено было пойти на уступки.

Сегодня можно сказать, что тем самым было положено начало сдачи позиций великой державой. Для Запада стала очевидной возможность диктовать свои условия Советскому Союзу.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией по «третьей корзине» и получив некую свободу действий на территории СССР, центры «психологических операций» не преминули воспользоваться этим.

По их инициативе в Москве, Киеве, Тбилиси и других городах страны возникли неофициальные группы по контролю за соблюдением хельсинкских договоренностей.

Они ставили целью выявление фактов нарушения прав человека в СССР и передачу этих данных в посольства иностранных государств – участников совещания в Хельсинки. Для этого их снабдили специальными бланками.

Дело, казалось бы, благородное, если бы за этим не скрывался замысел легального сплочения сил, проявлявших себя противниками государственного строя.

Не случайно среди них были те, кто в последующие годы оказался во главе разрушительных процессов.

Фактически это были структуры, призванные вести идеологическую борьбу против режима, подстрекать советских граждан к противоправным действиям.

Сейчас очень сложно об этом писать. В наши дни «правозащитное движение» окружено ореолом героизма, стало символом борьбы за демократию. Бывшие правозащитники открыто признают, что активно боролись против существовавшего строя, тогда как в прежние годы они именовали себя всего-навсего «инакомыслящими».

А между тем истина такова: политический отдел посольства США, и в частности его сотрудник Ричард Колмс, имел постоянную связь с представителями группы «Хельсинки» в Москве. Через него шла тайная, но весьма последовательная поддержка этих групп.

Организаторы психологических операций не без оснований видели в них силу, направленную на подрыв доверия к власти. Наиболее активные участники названных групп поощрялись Западом, и не только морально.

Следует отметить, что правозащитное движение было очень неоднородным. Подавляющее число людей, включившихся в него, искренне желало демократических перемен. Они выступали против отживших методов руководства страной, против привилегий высшей номенклатуры и бюрократов, попиравших права граждан. В необходимость перемен искренне верили многие творческие работники, видные ученые, да и простые люди. Это были действительно «инакомыслящие», не посягавшие на конституционный строй. Однако они невольно прикрывали тех, кто вынашивал совсем иные планы и преследовал совсем иные цели, кто, выполняя волю зарубежных спецслужб, вел борьбу против самого строя. Когда же некоторых участников подрывных акций привлекали к уголовной ответственности, многие из искренне заблуждавшихся людей, не разобравшись, становились на их защиту. Так расширялось поле недовольных.

Хорошо помню слова одного члена украинской группы «Хельсинки». Заранее прошу прощения, если ошибаюсь, но, по-моему, это был Лукьяненко, лидер республиканской партии Украины, ныне посол Украины в Канаде. «Нам эти московские диссиденты, – заявил он, – не так уж и важны. Но они помогут решить наши национальные проблемы, избавиться наконец от москалей».

Немалую роль в поощрении «правозащитного движения» играли и высшие эшелоны власти США, о чем – сам того не желая – убедительно свидетельствует бывший участник «хельсинкской группы» Орлов в своей книге «Опасные мысли».

Рассказывая о встрече с государственным секретарем США Джорджем Шульцем перед поездкой президента Рональда Рейгана в Москву, он пишет: «...я попросил его (Шульца), а позднее президента встретиться в Москве не только с отказниками, желавшими выехать из страны, но также – и притом отдельно – с диссидентами, целью которых было изменение самого советского режима, что было Рейганом и Шульцем сделано».

Приведу еще одну цитату из инструкции американских спецслужб:

«...используйте в своих интересах отдельные политические моменты, которые несут в себе происходящие перемены: расширение гласности, критики и самокритики, более жесткий контроль за соблюдением социалистической законности, обеспечением прав граждан и т. п. Генеральное направление борьбы есть наступательные действия, в которые необходимо включать широкие круги различных слоев народа.

Прибегая от простейших к более сложным формам борьбы, каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если первопричина была не в этом».

Документ этот извлечен не из сейфов ЦРУ и не из досье КГБ, он был опубликован в печати. К сожалению, опасность подобного рода установок и действий не вызвала реакции у высшего руководства партии и государства.

Ситуация напоминала «игру в пустые ворота». Вратарь не то что ушел из ворот, но своим бездействием шокировал и защитников, и нападающих. Наступил паралич власти.

Как вербуют и внедряют агентов

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СЕКРЕТНЫЕ центры и вербовка агентов являются одной из важнейших задач спецслужб любой страны. И задача эта далеко не простая. Человек, призванный выполнять такую работу, должен отличаться не только огромной выдержкой, силой воли и мужеством (помимо специального образования и профессиональной подготовки), но должен обладать еще интуицией и достаточным интеллектом.

Действуя во враждебной среде, разведчику необходимо уметь быстро ориентироваться в любой самой сложной ситуации, предугадывать возможные действия противника, «просчитывать» варианты, продумывать свои ответные шаги.

Разведчик обязан досконально изучить историю, быт, нравы и обычаи страны, где он работает, изучить во всех деталях.

Известно, что во многих государствах мира ведется постоянная слежка за большинством людей, впервые появившихся в стране. Проверяют, с кем человек встречается, чем интересуется, знакомятся с его привычками, наклонностями, телефонными переговорами и перепиской, не падок ли он на деньги – короче говоря, внимательно изучается каждый поступок, каждый шаг.

Сотрудник, выполняющий специальное задание, должен обладать хорошей памятью, без труда запоминать лица, тексты, номера телефонов. Он может выполнять порученное ему дело, если способен отказаться от своих привязанностей, привычек и увлечений. Часто разведчикам приходится надолго терять связь с семьей и близкими, скрывая от них причину долгого отсутствия, приходится вести жизнь, полную тревог, не дающую возможности расслабиться ни на час.

Но даже владеть всеми этими качествами недостаточно. Остается главное: во имя чего соглашается человек на такую жизнь. Это обычно либо глубокая убежденность в правоте дела, которому ты служишь, либо желание заработать большие деньги.

Доверия к алчному человеку у нас никогда не было, ведь достаточно заплатить такому побольше, как он тут же переметнется на другую сторону.

Если бы я даже имел право рассказать, каким образом подбираются и внедряются агенты, как вербуются информаторы, я все равно не смог бы этого сделать, ибо тут нет готовых рецептов. Из множества подобных дел за долгие годы не найти двух совершенно одинаковых.

И тем не менее я напомним одну историю, о которой уже сообщалось в печати. Это пример, если так можно выразиться, технологического процесса вербовки и внедрения агентов в годы «холодной войны».

Запад долго отказывался продать нам даже столь важную «стратегическую» продукцию, как зерно. Но вот начались успешные переговоры с Канадой, сулившие значительные экономические выгоды. Тут же в действие вступили канадские спецслужбы, которых поддержали их американские коллеги.

Средства массовой информации Канады начали бешеную антисоветскую кампанию. Естественно, переговоры, уже шедшие к благополучному завершению, затормозились. План закупки зерна, на который возлагались большие надежды, оказался под угрозой.

Надо было принимать срочные меры, чтобы остановить провокационную кампанию. Над этим лихорадочно работали и в высших эшелонах власти, и в органах госбезопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.